

№2. 2020

УЗЫ НЕВОЗВРАТА. ПРАИСТОРИЧЕСКИЕ МИГРАЦИИ В ПОТОКЕ КУЛЬТУРЫ

Петровцы до Петра: всплеск и выплеск зауральской металлургии

С кем обнимались алакульцы?

Гены, кости, дуб и вяз: биометрия прошлого

Ловец, все дни отдавший лесу: неолитический дрейф

Среда и средоточия культурогенеза

Между прото- и пост-. Культура Лейлатепе

Былая воинственность прежнего мира

Курганные мемориалы властей преходящих

Наём и полон в державе Шан

Ответственный редактор — Игорь В. Манзура,

Зам. отв. редактора — Валентин Б. Панковский

e-ISSN: 1857-3533

Stratum plus. No. 2.
Archaeology and Cultural Anthropology

Joints of no Return. Migration and Cultural Stream in Prehistory

Petrovians Before Peter: Who Urged a Surge in Trans-Uralian Metallurgy?
Whom Did the Alakul-folk Cuddle With?
Genes, Bones, and Oaken Wood: Biometrics of the Past
A Catcher Who Was Kin to Forest: Neolithic Drift
Loci and Foci in Cultural Genesis
Between Proto- and Post-. The Leyla-Tepe Culture
The Militancy that Was Their World
They Came and Went to Rule the Land: Barrow Memorials
Mercenaries and Captives by the Yellow River

Editor-in-Charge — Igor V. Manzura,
Associate Editor — Valentin B. Pankowski

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2020

Stratum plus. Nr. 2.
Arheologie și antropologie culturală

Legăturile neîntoarcerii. Migrațiile preistorice în torentul culturii

Petrovienii de până la Petru: dezlănțuirea și revărsarea metalurgiei transuraliene
Cu cine se îmbrățișau alakulskienii?
Gene, oase, stejar și ulm: biometria trecutului
Vânătorul ce toate zilele le-a dedicat pădurii: deriva neolitică
Mediul și locurile de concentrare a culturogenezei
Între pre- și post-. Cultura Leilatepe
Fosta războinicie a lumii de altă dată
Comemorările tumulare ale puterilor trecătoare
Năimeala și captivitatea în statul Shang

Redactor responsabil — Igor V. Manzura,
Redactor adjunct — Valentin B. Pankowski

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2020

СОДЕРЖАНИЕ

МИГРАЦИОННЫЙ ПЕРЕНОС ИННОВАЦИЙ И СЛОЖЕНИЕ КОНТИНЕНТАЛЬНЫХ ЭПОХ

К. М. Андреев, А. А. Выборнов (<i>Самара, Россия</i>). Миграции и диффузии в неолитизации Поволжья	15
А. Ф. Шорин, А. А. Шорина (<i>Екатеринбург, Россия</i>). Миграции в неолите Зауралья в свете радиоуглеродной хронологии	31
И. В. Шевнина, А. В. Логвин (<i>Костанай, Казахстан</i>). Освоение неолитическим населением Тургайского прогиба	57
Н. А. Мусеибли (<i>Баку, Азербайджан</i>). Миграции из Передней Азии на Кавказ в позднем халколите (первая половина IV тыс. до н.э.)	71
С. Н. Корневский (<i>Москва, Россия</i>), Р. В. Прокофьев (<i>Ростов-на-Дону, Россия</i>). Майкопские погребения Андреевского кургана	83
А. С. Ермолаева (<i>Алматы, Казахстан</i>), С. В. Кузьминых (<i>Москва, Россия</i>), Е. В. Дубягина (<i>Алматы, Казахстан</i>). Миграционное происхождение технологий металлопроизводства Казахской горно-металлургической области.	103

ИСХОД И ЭКСПАНСИЯ В ИСКОПАЕМЫХ ДЕПОЗИТАХ

С. Н. Разумов, И. А. Четвериков (<i>Тирасполь, Молдова</i>). Новые материалы к дискуссии о миграциях степного населения на Верхний Днестр в раннем бронзовом веке	117
О. А. Шинкарь (<i>Волгоград, Россия</i>). Погребение представителей элиты эпохи средней бронзы из Нижнего Поволжья	135
С. Д. Лысенко (<i>Киев, Украина</i>), С. Н. Разумов, В. С. Синика (<i>Тирасполь, Молдова</i>), Н. П. Тельнов (<i>Кишинёв, Молдова</i>). Погребение тщицецкого культурного круга с сосудом малополовецкого типа на левобережье Нижнего Днестра	155
В. Б. Панковский (<i>Киев, Украина</i>). Из научного наследия В. А. Круца. Межирицкий курган	175
Я. В. Рафикова (<i>Уфа, Россия</i>). Парные погребения эпохи поздней бронзы Средней Азии и северо-западного Индостана: свидетельства андроновских миграций?	199

ХОРОШО ОСВЕДОМЛЁННЫЙ АВТОХТОНИЗМ

- Ю. Я. Рассасакин, А. В. Симоненко (*Киев, Украина*). Новый погребальный комплекс эпохи энеолита в Нижнем Поднепровье: к вопросу о погребениях репинско-рогачикского времени 215
- А. А. Клещенко (*Москва, Россия*). Миграционная гипотеза происхождения северокавказской культуры 227

МАРКЕРЫ НАСЕЛЕНИЯ И НАСЕЛЁННОЙ СРЕДЫ

- А. А. Романчук (*Кишинёв, Молдова*). «Древнеямный» генетический компонент и индоевропеизация Европы: критический анализ гипотезы 243
- А. Д. Козак, И. Д. Потехина (*Киев, Украина*). Энеолитическое погребение близ с. Каиры. Краниология и палеопатология 259
- А. А. Казарницкий (*Санкт-Петербург, Россия*). Миграции посткатакомбного населения: возможности реконструкции по краниологическим данным . . 275
- Л. Н. Соловьёва (*Москва, Россия*). Экспертиза деревянных рукоятей из кургана в группе Нижняя Добринка-II 291

СУПРОТИВ И СООБЩА, ИЛИ ДИВО СИМБИОЗА

- М. Рыбицкая (*Жешув, Польша*). Контакты населения восточной и юго-восточной групп культуры воронковидных кубков с населением трипольской культуры. 297
- Р. Сквиинецкий, М. Цвалинский, В. Сквиинецкая (*Познань, Польша*). Измерим доблесть, мужество и честь? Опыт моделирующей оценки «воинственности» в праисторических сообществах 317
- Р. А. Литвиненко (*Винница, Украина*). Посткатакомбная эпоха Восточной Европы: миграции или военные походы. 333
- В. А. Борзунов (*Екатеринбург, Россия*). Миграции и укрепленные поселения на юге Западной Сибири в первой половине эпохи бронзы 359
- К. В. Чугунов (*Санкт-Петербург, Россия*), Дж. Роусон (*Оксфорд, Великобритания*), Г. А. Гребнев (*Шэньчжэнь, Китай*). Соратники и жертвы шанского Китая. О локализации степного компонента в культуре Шан 409
- Список сокращений. 439
- Авторам *Stratum plus* 443

C O N T E N T S

AN INNOVATION'S ON ITS WAY. THE MAKING OF CONTINENTAL AGES

K. M. Andreev, A. A. Vybornov (<i>Samara, Russian Federation</i>). Migration and Diffusion in the Neolithization of Volga Region.	15
A. F. Shorin, A. A. Shorina (<i>Yekaterinburg, Russian Federation</i>). Neolithic Trans-Ural Migrations in the Light of Radiocarbon Chronology	31
I. V. Shevnina, A. V. Logvin (<i>Kostanay, Kazakhstan</i>). Exploration of the Turgai Depression by the Neolithic Population	57
N. A. Museibli (<i>Baku, Azerbaijan</i>). Migrations from the Near East to the Caucasus in the Late Chalcolithic (first half of the 4th millennium BC)	71
S. N. Korenevskiy (<i>Moscow, Russian Federation</i>), R. V. Prokofiev (<i>Rostov-on-Don, Russian Federation</i>). Burials of the Maikop-Novosvobodnaia Community of the Andreevsky Barrow	83
A. S. Yermolayeva (<i>Almaty, Kazakhstan</i>), S. V. Kuzminykh (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Ye. V. Dubyagina (<i>Almaty, Kazakhstan</i>). Tracing the Origins of Metallurgy to the Mining Regions of Kazakhstan.	103

BURIED REMAINS OF EXODUS AND EXPANSION

S. N. Razumov, I. A. Chetverikov (<i>Tiraspol, Moldova</i>). New Materials on the Migration of the Steppe Population to the Upper Dniester in the Early Bronze Age	117
O. A. Shinkar (<i>Volgograd, Russian Federation</i>). Middle Bronze Age Elite Burials in the Lower Volga Region.	135
S. D. Lysenko (<i>Kiev, Ukraine</i>), S. N. Razumov, V. S. Sinika (<i>Tiraspol, Moldova</i>), N. P. Telnov (<i>Kishinev, Moldova</i>). Burial of the Trzciniec Culture Circle with a Vessel of the Malopologovetskoe Type on the Left Bank of the Lower Dniester	155
V. B. Pankowski (<i>Kiev, Ukraine</i>). Rediscovering Vladimir Kruts's Research Legacy: The Międzyrzecz Barrow	175
Ya. V. Rafikova (<i>Ufa, Russian Federation</i>). Late Bronze Age Paired Burials in Central Asia and North-Western Hindustan: Evidence of Andronovo Migration?	199

AUTOCHTHONISM WELL-INFORMED

Yu. Ya. Rassamakin, A. V. Symonenko (Kiev, Ukraine). A New Eneolithic Burial in the Lower Dnieper Region: towards Problem of the Study of the Repin-Rogachik Burials	215
A.A. Kleshchenko (Moscow, Russian Federation). Migration Version of the Origin of the North-Caucasian Culture	227

PORTRAYING A HABITANT, SURVEYING A HABITAT

A.A. Romanchuk (Kishinev, Moldova). The “Steppe Ancestry” and the Coming of Indo-European Languages in Europe: the Critical Analysis of the Hypothesis . .	243
O.D. Kozak, I.D. Potekhina (Kiev, Ukraine). Eneolithic Burial near Kairy Village, Southern Ukraine. Craniology and Palaeopathology	259
A.A. Kazarnitsky (Saint Petersburg, Russian Federation). Migration of the Post-Catacomb Population: Possibilities for Reconstruction by Craniological Data	275
L.N. Soloviova (Moscow, Russian Federation). Expert Analysis of Wooden Handles from a Barrow on Nizhniaya Dobrinka II Burial Ground	291

FACE TO FACE AND SIDE BY SIDE, OR A MARVEL OF COEXISTENCE

M. Rybicka (Rzeszów, Poland). Population Contacts between Eastern and South-Eastern Groups of the Funnel Beaker Culture and the Tripolye Culture.	297
R. Skrzyniecki, M. Cwaliński, W. Skrzyniecka (Poznań, Poland). How to Measure Honor, Valor and Bravery? Proposition of a New, Model Approach to the Evaluation of Bellicosity in Prehistoric Societies	317
R.A. Lytvynenko (Vinnytsia, Ukraine). Post-Catacomb Period in Eastern Europe: Migration or Military Campaigns	333
V.A. Borzunov (Yekaterinburg, Russian Federation). Migrations and Fortified Settlements in the South of Western Siberia in the First Half of the Bronze Age.	359
K. V. Chugunov (Saint Petersburg, Russian Federation), J. Rawson (Oxford, Great Britain), Ye.A. Grebnev (Shenzhen, China). Allies and Victims: Identifying a Steppe Component within Shang Culture	409

Abbreviations	439
Submissions	443

К. В. Чугунов, Дж. Роусон, Г. А. Гребнев

Соратники и жертвы шанского Китая. О локализации степного компонента в культуре Шан

Keywords: China, Shang dynasty, Mongolia, Bronze Age, steppe interactions, prone burials, animal-headed weapons

Cuvinte cheie: China, statul Shang, Mongolia, epoca bronzului, stepă, înmormântări culcat cu fața în jos, arme cu terminații zoomorfe

Ключевые слова: Китай, государство Шан, Монголия, бронзовый век, степь, погребения ничком, оружие с зооморфными навершиями

K. V. Chugunov, J. Rawson, Ye. A. Grebnev

Allies and Victims: Identifying a Steppe Component within Shang Culture

The paper presents a new approach to the question of the interaction between the steppe region and central China. The paper argues that prone burials and animal-headed knives, discovered at the site of Anyang, the last capital of the Shang dynasty (c.1300—1045 BC), demonstrate contact with present-day southern Mongolia. Prone burials were not characteristic of the Central Plains. They have been identified at Ulanzurh-Tevsh. Chance finds of bronze animal-headed knives and ornaments from the same area can be compared with similar items from the hoard at Chaodaogou in Hebei province, finds from the Northern Zone embracing the Great Bend of the Yellow River and Anyang. The paper provides an analysis of the range of burials in which skeletons in the prone posture have been found. The wide range of examples demonstrates that such individuals, presumably regarded as outsiders, occupied different positions in Shang society. At Anyang, animal-headed knives, primarily copies, have been found in different contexts, including royal tombs and chariot burials. The primary concentration of such animal-headed bronzes appears to be in the Northern Zone, thus not far from southern Mongolia. The paper records finds of such knives and prone burials in the Northeast, where such knives are frequent, but prone burials rare. In the Northwest, the knives are rare, except for some chance finds, but a few prone burials have been recorded in Qinghai.

K. V. Chugunov, J. Rawson, Ye. A. Grebnev

Aliații și victimele Chinei shanghiene. Cu privire la localizarea componentei de stepă în cultura Shang

În lucrare este propusă o nouă abordare în cercetarea interacțiunii dintre Stepă și China Centrală. Evidențierea unor așa particularități, cum ar fi poziția celor înmormântați culcat cu fața în jos și utilizarea cuțitelor cu terminația mânerelor în formă de capete de animale, fixate în Anyang în locul ultimei capitale a statului Shang (cc. anii 1300—1045 î.e.n.), ne permit să vorbim despre contactele cu regiunile de sud ale actualei Mongolii. Poziția culcat cu fața în jos nu este caracteristică pentru regiunea Marea Câmpie Chineză, dar se manifestă în cultura Ulanzurkh-Tevch. Descoperirile întâmplătoare de cuțite de bronz și podobe cu animale în stil specific din această regiune pot fi comparate cu obiectele similare din Chaodaogou în provincia Hebei, cu descoperirile din Zona de Nord pe marea curbă a r. Khuankhe, precum și din Anyang. În lucrare este propusă analiza diferitor tipuri de înmormântări cu schelete, depuse pe burtă. Exemplele analizate arată, că oamenii înmormântați în această poză ocupau diferite poziții în societatea chang. În Anyang cuțitele cu capete de animale sunt prezentate îndeosebi prin copii, lucrate de meșterii Shang. Ele au fost descoperite în diverse contexte, incluzând morminte regale și înmormântări cu trăsuri. Concentrația de bază a unor astfel de piese de bronz revine zonei de Nord nu departe de Mongolia de sud. În zona de Nord-est astfel de cuțite se întâlnesc des, dar mormintele culcat cu fața în jos sunt relativ rare. În zona de Nord-vest, cu excepția unor rare descoperiri întâmplătoare, cuțitele se întâlnesc rar, dar sunt documentate câteva cazuri de înmormântări culcat cu fața în jos în Tsinghan.

К. В. Чугунов, Дж. Роусон, Г. А. Гребнев

Соратники и жертвы шанского Китая. О локализации степного компонента в культуре Шан

В работе предложен новый подход к исследованию взаимодействия между Степью и центральным Китаем. Выделение таких признаков, как положение погребенных ничком и использование ножей с навершиями рукоятей в виде голов животных, прослеженных в Аньяне на месте последней столицы государства Шан (ок. 1300—1045 гг. до н.э.), позволяет говорить о контактах с южными областями современной Монголии. Положение ничком не характерно для

региона Великой Китайской равнины, но прослеживается в культуре Уланзурх-Тэвш. Случайные находки бронзовых ножей и украшений с животными в особом стиле из этого региона могут быть сопоставлены с аналогичными предметами из Чаодаогоу в пров. Хэбэй, находками из северной зоны по большому изгибу р. Хуанхэ, а также из Аньяня. В работе предложен анализ различных типов погребений со скелетами, положенными на животе. Проанализированные примеры показывают, что погребенные в этой позе люди занимали разные позиции в шанском обществе. В Аньяне ножи с головами животных преимущественно представлены копиями, сделанными мастерами Шан. Они были обнаружены в разных контекстах, включая царские могилы и колесничные погребения. Основная концентрация таких бронзовых изделий приходится на северную зону недалеко от южной Монголии. В северо-восточной зоне такие ножи встречаются часто, но погребения ничком относительно редки. В северо-западной зоне, за исключением редких случайных находок, ножи встречаются редко, но зафиксировано несколько случаев погребения ничком в Цинхэе.

О взаимодействии Древнего Китая со скотоводческими народами, окружавшими регион Великой Китайской равнины, написано много. В то время как некоторые ученые говорили о симбиозе культур (Barfield 1989: 8—20), другие обращали внимание на то, как некоторые степные традиции, выразившиеся наиболее явно в распространении колесниц, проникали в северный Китай (Wu 2013). Пространство, окаймляющее Великую Китайскую равнину с севера, северо-запада и северо-востока, рассматривалось, с одной стороны, как самостоятельный регион, а с другой — в его взаимосвязи с государствами Шан и Чжоу (Linduff 1997: 18—32; Di Cosmo 2002: 49—74; Rawson 2017). В последние десятилетия много внимания уделялось вопросу проникновения пшеницы и ячменя, а также металлургии бронзы и железа на пространство Великой Китайской равнины (Mei et al. 2009; Jones 2011; Li 2015; Linduff 2015).

При обсуждении этой темы необходимо, прежде всего, обратить внимание на разницу экологических и социальных условий в трех основных зонах — в евразийской степи, промежуточном поясе и в центральном Китае, т.е. на Великой Китайской равнине. Известно, что простирающиеся на многие тысячи километров степные пространства были местом активного взаимодействия скотоводов и земледельцев, которые вступали между собой в торговые отношения, ритуальные контакты и вели переговоры по поводу эксплуатации пастбищ и иных природных ресурсов (Frachetti 2012). В стремлении к богатству и власти они заключали союзы или, напротив, распадались на более мелкие общности. Каждая из этих общностей стремилась обойти соперников в богатстве даров и приношений, которые также представляли собой один из способов распространения новых материалов и технологий (Кузьмина 1996; Kuzmina 2008: 40—70; Honeychurch 2015: 73). Многие участки по великим хребтам Памира, Тянь-Шаня и Саяно-Алтая изобиловали лесом и полезными ископаемыми, необходимыми для развития металлургии (Rawson 2017).

Границы между тремя указанными областями могут быть проведены лишь условно. Под «Степью» в данном случае понимается так называемый степной пояс Евразии, который на востоке включает Синьцзян и Монголию. Земледельческие общества Китая были сосредоточены на Великой Китайской равнине, где сформировались условия для развития государств Шан и Западное Чжоу. По археологическим данным Шан принято датировать примерно 1500—1045 гг. до н.э., в то время как исторический период, совпадающий со временем процветания государственного центра, известного по памятнику Иньсуй в Аньяне, приходится примерно на 1300—1045 гг. до н.э. Датировка Западного Чжоу — ок. 1045—771 до н.э. Между степью и Великой Китайской равниной пролегает обширная область плоскогорий, пустынь, плодородных долин и лесов, которую Тун Энъчжэн (1987) назвал «областью полумесяца». Эта область также известна как «северная зона», «северное пограничье» и «северный комплекс бронзовой металлургии» (Lin 1986: 241—250; Shelach 2009: 8, 28—30; Rawson 2015: 46—47; Linduff et al. 2017). Мы предпочитаем термин «Дуга», который представляется нам наиболее удачной интерпретацией «области полумесяца». Эта область может быть дополнительно разделена на три зоны (рис. 1), каждая из которых имеет собственный выход на регион Великой Китайской равнины (Rawson 2017). Зоны имеют свои характерные особенности, связанные с местными речными системами. В северо-западной части вытянутый коридор Хэси выходит к притокам реки Вэй, протекающей в центральной части современной провинции Шэньси; в северной части особую важность представляет восточная часть П-образного изгиба Хуанхэ, в месте, где река течет на юг через Лёссовое плато; северо-восточная часть включает области по южным склонам хребта Яньшань к северу от современного Пекина, а также области, расположенные далее к северу на территории современной пров. Ляонин и Внутренней Монголии (рис. 1).

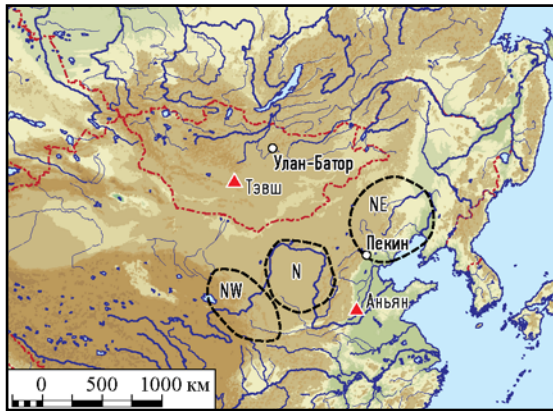

Рис. 1. Восточные регионы Степи, Дуга (с указанием трех зон: северо-западной — NW, северной — N, северо-восточной — NE) и Великая Китайская равнина. Карта составлена Хуань Лиминем.

Fig. 1. Map of the eastern Steppe, the Arc (with three zones: Northwestern — NW, Northern — N, Northeastern — NE) and Central China, compiled by Huan Limin.

Проблема локализации степных народов, оказавших влияние на Китай в рассматриваемый период, остается неизученной, хотя исследователи многократно отмечали типологическое сходство вооружений в Степи и в Китае (Уэнь Юэсыту 2007; Ян Цзяньхуа, Шао Хуэйцзо 2014; Ян Цзяньхуа 2016). В этой статье впервые ставится задача определения первоначальных мест обитания некоторых степных групп населения эпохи Шан, которые, вероятно, переместились в область Дуги на раннем этапе бронзового века. Методически мы исходим из того, что для сопоставления культурных традиций на различных территориях необходимо привлекать лишь очень специфические их компоненты, не имеющие широкого распространения в разных культурах. Наиболее значимым компонентом, который можно равно рассматривать и в Китае, и в Степи, является погребальный обряд. Материальный комплекс этих регионов, известный по данным археологии, не сопоставим ни в качественном, ни в количественном отношении, но, безусловно, должен быть привлечен для анализа во вторую очередь.

Принципиально важными в контексте обсуждаемой проблемы являются крупные шанские погребения в Аньяне. Здесь, в погребениях ванаов и их родственников, а также наиболее высоких представителей элиты, встречаются многочисленные бронзовые сосуды, часто весьма впечатляющих размеров. Наиболее ранние сосуды найдены в дошанском памятнике Эрлитоу, что по соседству с современным Лояном (ок. 1750—1500 до н.э.; бронзовые изделия встречаются приблизительно

но с 1600 г. до н.э.). Следующий важный центр — крупный город со стенами, исследованный в современном городе Чжэнчжоу (ок. 1500—1350 до н.э.), центре провинции Хэнань. Промежуточное положение между Чжэнчжоу, относящимся к так называемому Эрлиганскому периоду, и расцветом Аньяна (ок. 1300—1045 до н.э.) (Чжунго 2003) занимает памятник Тайси в г. Гаочэн в северной части провинции Хэбэй (Хэбэйшэн 1985).

Как в политическом, так и в социальном плане шанцы были организованы по родовому признаку. Ритуал, в ходе которого осуществлялись приношения предкам с использованием бронзовых сосудов, проходил в форме торжественных пиршеств. Сосуды отливались в соответствии с регламентированными формами и в функциональном плане разделялись на ёмкости для жидкостей (вероятно, алкогольных), еды и воды (Bagley 1987). Они также наверняка использовались в ходе ритуальных пиршеств. Число сосудов было связано со статусом владельца. Действительно, в погребениях низкого статуса встречаются лишь скромные находки, состоящие из одного-двух керамических сосудов. Предположительно, люди с низким социальным статусом, включая рабочих и, вероятно, рабов, не могли претендовать на погребение по установленному обряду.

Хотя бронзовым сосудам уделялось много внимания, гораздо меньше обсуждался вопрос о том, что в погребениях шанской элиты удивительно много человеческих жертв различных видов. Жертвенные погребения действительно составляют одну из важнейших особенностей аньянского комплекса. Вопрос о роли социального насилия в шанском обществе привлекал внимание исследователей (Campbell 2018: 178—211), однако не было в должной мере отмечено, что в период позднего неолита и в эпоху Западного Чжоу таких жертв на пространстве Великой Китайской равнины и сопредельных регионов чрезвычайно мало. Истоки формирования очень специфических и впечатляющих по масштабу ритуалов человеческих жертвоприношений шанцев изучены недостаточно. Но именно в таких погребениях — жертвенных и иных сопутствующих — мы находим важные свидетельства контакта Шан с северной зоной Дуги и Степью. Со временем эти контакты позволяют многое прояснить в вопросе, почему шанцы выбирали те или иные способы жертвоприношений в своей сложной ритуальной практике.

В отличие от Чжэнчжоу, где найдено лишь несколько погребений, в Аньяне изучено много жертвенных ям и могил, содержащих обильный материал по шанскому ри-

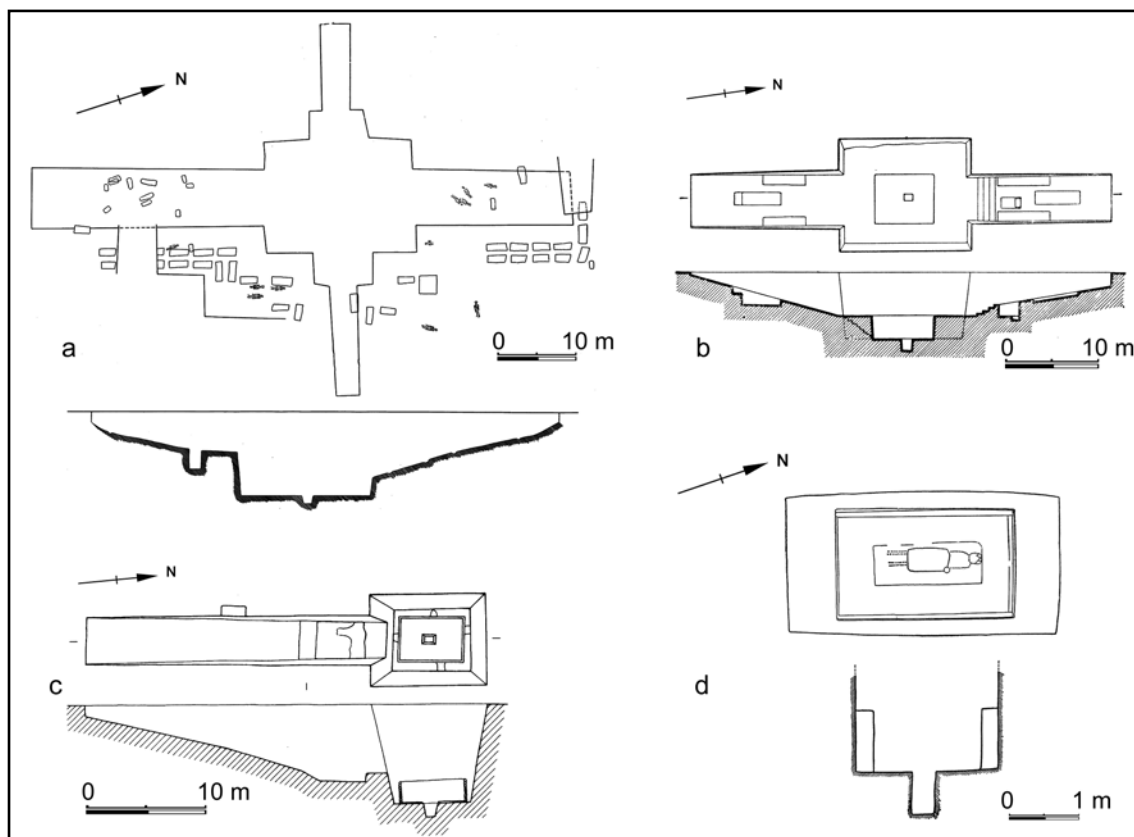

Рис. 2. Основные типы элитных погребений в Анянэ. Планы и разрезы: а — царское погребение M1001 в Хоуцзячжуане с четырьмя дромосами (по Лян Сыюн, Гао Цюйсюнь 1962а: 9, рис. 3; 1962b: вкл. II); б — погребение WKGM1 в Угуаньцуне с двумя дромосами (по Чжунго 1977: 31, рис. 11); в — погребение M260 в Сибэйгане с одним дромосом (по Чжунго 2003: 344, рис. 6—16); д — погребение M18 в Сяотуне без дромоса (по Чжэн Чжэньсян 1981: 492, рис. 1).

Fig. 2. Fig. 2. Main types of tomb structures at Anyang with plans and sections: a — royal tomb at Houjiazhuang M1001 with four ramps (after Liang and Gao 1962a: Fig. 3; 1962b: Pl. II); b — Wuguancun tomb WKGM1 with two ramps (after Zhongguo 1977: 31, Fig. 11); c — Xibeigang tomb M260 with one ramp (after Zhongguo 2003: 344, Fig. 6—16); d — Xiaotun tomb M18 with no ramps (after Zheng 1981: 492, Fig. 1).

туалу. Со времени обнаружения памятника в 1920-е гг. в Анянэ велись интенсивные раскопки (Li 1977; Кузнецова-Фетисова 2015: 15—22), в ходе которых выявлены дворцы, мастерские, кладбище ванов (Лян Сыюн, Гао Цюйсюнь 1962а; 1962b), а также погребения элиты и населения более низкого статуса. Археологическая информация может быть дополнена сведениями из обнаруженных в большом числе гадательных костей с надписями, среди которых преобладают вопросы к орakuлу (Keightley 2000; 2012). В некоторых надписях говорится о том, как шанцы вели охоту на враждебные сообщества инородцев, таких как *цяны*, которых брали в плен значительными группами (Shelach 1996; Fiskesjö 2001: 149—152; Campbell 2018: 115—116). Эти инородцы часто приносились в жертву в многочисленных ямах, окружающих погребения ванов. Как будет подробнее рассмотрено ниже, жертвы следует отличать от сопроводитель-

ных захоронений в могилах элиты общества Шан, где сопреблали женщин, колесничих, а также стражников и воинов (Хуан Чжаньюэ 2004). Хотя эти особенности обряда прослежены, главным образом, в Анянэ, аналогичные погребения обнаружены и на других памятниках Великой Китайской равнины — например, в могильнике Цяньчжанда в провинции Шаньдун (Чжунго 2005).

Приношения еды и напитков предкам осуществлялись в Шан по установленной формуле, как и погребальный ритуал в целом, которая была в значительной мере стандартизирована (Rawson 1996). Можно выделить следующие регулярно воспроизводящиеся характерные для культуры Шан признаки:

1. Погребальные ямы выкапывались вертикально в лёссе. Важные погребения устраивались на большой глубине, и наиболее элитные оснащались одним или двумя наклонными сходами (пандусами или дромосами)

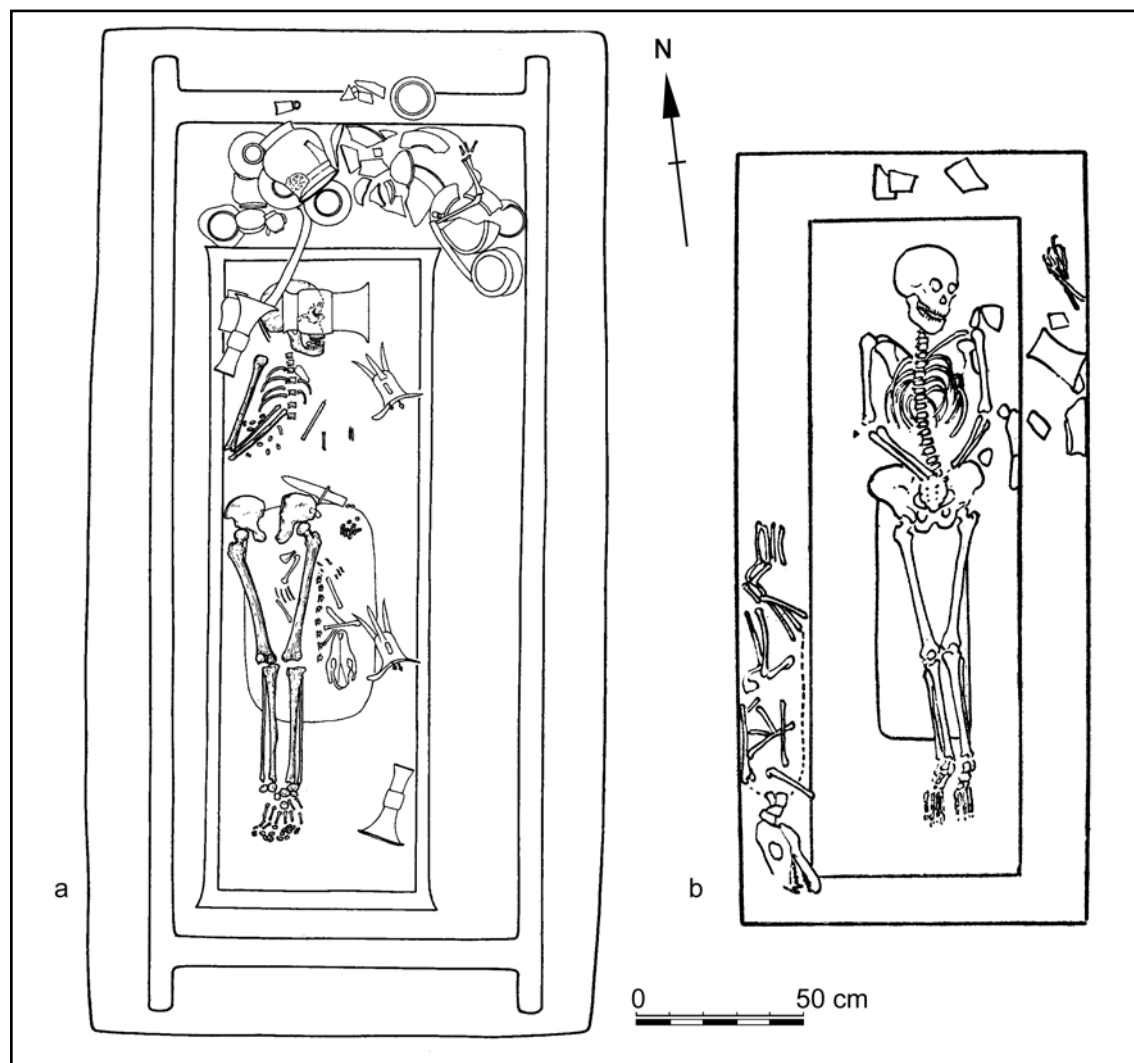

Рис. 3. Примеры шанских могил Аньянского периода, показывающие варианты организации погребального пространства внутри прямоугольных ям: а — погребение в вытянутом положении на спине в одном гробе внутри погребальной камеры. Инвентарь помещен на перекрытие погребальной камеры и между ее стеной и гробом. Под гробом устроена яма с жертвенным захоронением собаки. Погребение M121 в Цяньчжанда, пров. Шаньдун (по Ян Баочэн, Ян Сичжан 1979: 51, рис. 35); б — погребение в вытянутом положении на спине, внутри гроба, расположенного над ямой с захоронением собаки, с уступом вокруг гроба. Погребальный инвентарь размещен на уступе вместе с еще одним захоронением собаки. Западный сектор Иньсюя, M610 (по Чжунго 2005: 114, рис. 86).

Fig. 3. Examples from Anyang of tomb interior arrangements within rectangular pits: a — an extended supine burial in a single coffin put in a burial chamber. Burial goods are placed on the roof of the burial chamber between its wall and the coffin. Below the coffin, there is a waist pit with a dog burial. Tomb M121 in Qianzhangda, Shandong province (after Yang and Yang 1979: 51, Fig. 35); b — an extended supine burial inside a coffin located above the pit with a dog burial, with a ledge around the coffin. The goods are placed on the ledge with another dog burial. Yinxu western sector M610 (after Zhongguo 2005: 114, Fig. 86).

по оси север-юг, или, в редких случаях, четырьмя такими дромосами, спускавшимися в могилу со всех сторон. Погребения лиц более низкого статуса могли быть менее глубокими. Внутри могилы вокруг основной погребальной камеры обычно сооружалась площадка или уступ для размещения вещей и сопогребений (рис. 2).

2. Высокостатусные погребения совершались в деревянной погребальной камере с одним или двумя положенными в камеру гроба-

ми. В меньших по размеру и менее значимых по статусу могилах встречается лишь по одному гробу (рис. 3).

3. Основной погребальный обряд шанцев предусматривал положение умершего в гробу на спине головой на север. Такая поза зафиксирована в большинстве погребений. Другие формы положения будут обсуждены ниже (рис. 4).

4. На дне могилы под гробом в области пояса часто выкапывалась отдельная яма, где по-

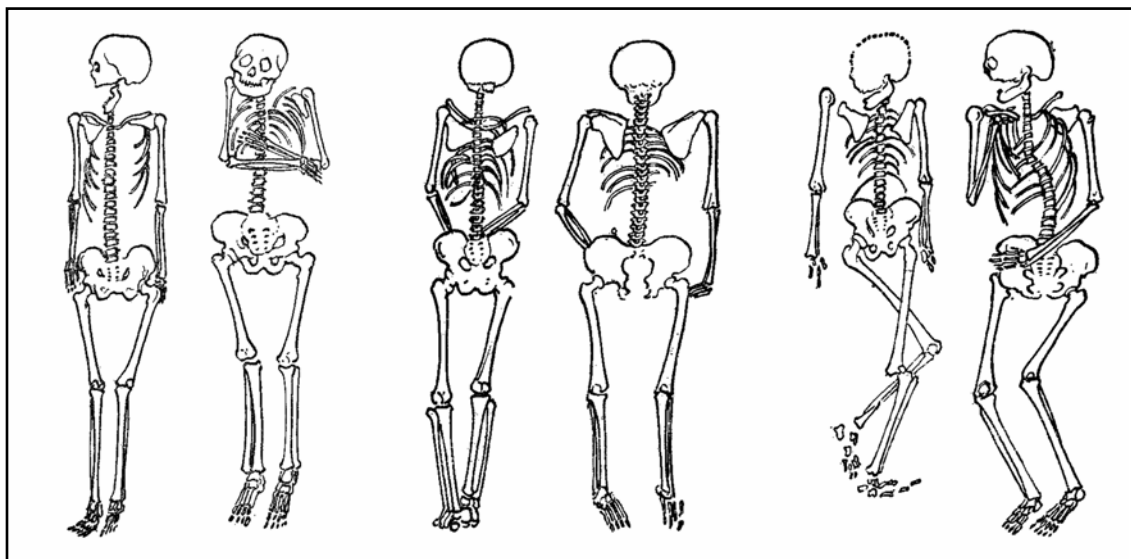

Рис. 4. Примеры различных форм труположения в поздних шанских погребениях в западном секторе Иньсюя (Аньян): два вытянутых на спине, два ничком, два с согнутыми ногами (по Ян Баочэн, Ян Сичжан 1979: 42—45, рис. 21—23).

Fig. 4. Examples of different burial positions in late Shang tombs in the western sector of Yinxu: two extended supine; two prone and two flexed (after Yang and Yang 1979: 42—45, Fig. 21—23).

гребались собаки. В наиболее значимых погребениях полагалось более одного животного, иногда в сопровождении людей-стражников, часто с оружием.

5. Обозначенные выше наборы ритуальных сосудов составляли важную часть погребального инвентаря. Их часто укладывали на площадке вокруг погребальной камеры. Оружие и колесничное снаряжение размещалось либо там же, вместе с другими украшениями и предметами вооружения из бронзы и нефрита, либо, зачастую, внутри гроба.

6. Сопровождающие захоронения могли совершаться на уступе вокруг основной могилы или на перекрытии гроба и погребальной камеры.

7. Погребальный обряд «царского» уровня обладает своими особенностями, которые иногда прослеживаются и в погребениях наиболее высоких представителей шанской элиты: основные сопроводительные погребения, а также обезглавленные жертвы были расположены рядами в южных дромосах (рис. 5). Тут же располагались их черепа. Сопровождающие захоронения, иногда в собственных гробах, помещали вокруг центральной погребальной камеры или на пандусах (Го Баоцзюнь 1951; Чжунго 1977). Вокруг могил шанских ванов располагались ряды жертвенных ям и погребений (Лян Сыюн и Гао Цюйсюнь 1962а; 1962b).

8. Рядом с наиболее высокостатусными погребениями иногда сооружались ямы с колес-

ницами, лошадьми, сопровождающими их колесничными и охранниками с оружием. Восемь захоронений колесниц было найдено на крупных кладбищах в Аньяне и в других шанских памятниках, таких как Цяньчжанда (Wu 2013; Ши Чжанжу 1970а; 1970b; 1972; Чжунго 2005) (рис. 11).

Социальная структура Шан была очень мозаичной. Элита использовала различных по происхождению людей, привлекая их в разных качествах для своих целей. Вероятно, некоторые из этих групп пришли с территории Дуги, сохранив элементы своей идентичности, но приняв в целом ритуалы Великой Китайской равнины. В кладбищах, которые были исследованы достаточно полно, можно проследить разнообразие компонентов культуры Шан, выраженное не столько в инвентаре, материальном комплексе, сколько в нюансах обряда сопроводительных могил, которые зачастую включали небольшое количество инвентаря.

Погребения в небольших прямоугольных ямах различаются по обряду, в частности, по положению тел (рис. 4). Встречаются погребения на спине и на боку, но наибольший интерес представляют погребения ничком. Такая поза очень специфична, в отличие от первых двух, которые распространены широко. Важно, что она редко встречается на Великой Китайской равнине — как до, так и после периода Шан (Ху Цзяцзя 2016; Мэн Сяньу 1992). Именно захоронения в вытянутой позе с поло-

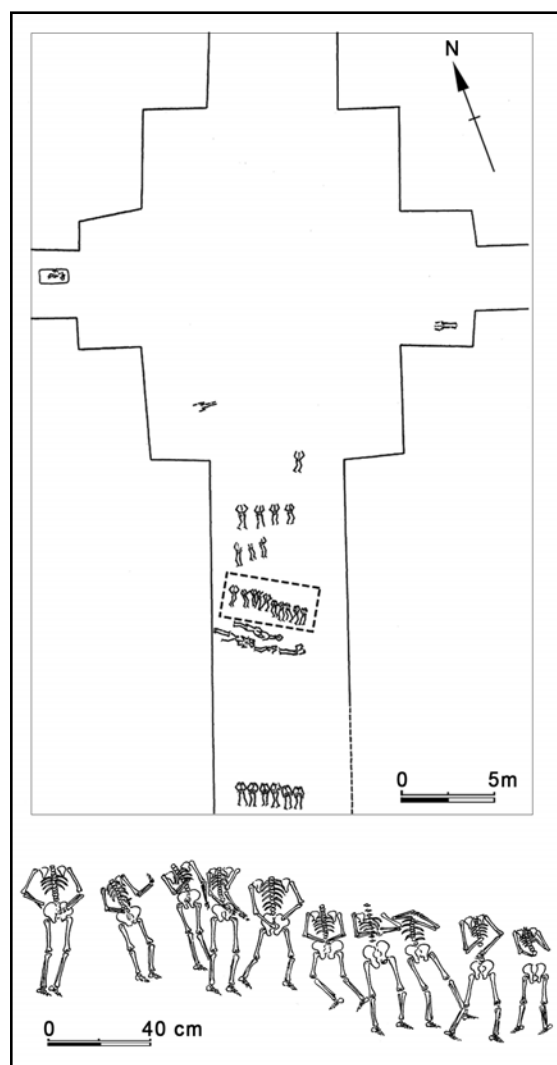

Рис. 5. Ряд обезглавленных скелетов в положении ничком (ряд II) на южном дромосе царского погребения Хоуцзячжуан M1001 (по Лян Сыюн, Гао Цюйсюнь 1962а: 38, рис. 14; 40, рис. 16).

Fig. 5. A row of beheaded skeletons in prone position (Line II) on the southern ramp of Houjiazhuang M1001 (after Liang and Gao 1962a: 38, Fig. 14; 40, Fig. 16).

жением на животе и лицом вниз составляют основу для анализа и выводов, предложенных в нашем исследовании.

Большое число погребений ничком зафиксировано при исследовании царских могил (Кузнецова-Фетисова 2015: 77—84), где так положены люди, принесённые в жертву при кровавых ритуалах на похоронах верховных правителей Шан, а также около фундамента большой постройки в Сяотуне. Эти жертвоприношения в ямах, на спусках дромосов и даже в гробах внутри могил тщательно обследованы и раскопаны в следующих контекстах: на царском кладбище Хоуцзячжуан к востоку от гробницы M1001, к запа-

ду от гробницы M1440 (Лян Сыюн, Гао Цюйсюнь 1962а; 1962b) и на юг возле большой гробницы WKGM1 у деревни Угуаньцунь (Ян Баочэн 1987; Чжунго 1977). Обширная территория жертвенных ям возле так называемого храма в Сяотуне (Ши Чжанжу 1970а; 1970b; 1972; 1973; Чэнь Чжида 1987) была раскрыта на трёх больших участках — северном, центральном и южном. Кроме того, вокруг квартала домов в северо-восточной части деревни Сяотунь также открыты ямы с жертвоприношениями (Чжэн Чжэньсян 2001).

Отношение к жертвам в упомянутых контекстах существенно различается. Особо впечатляют захоронения в дромосах ванских гробниц, в частности, в гробнице M1001 в Хоуцзячжуане (рис. 5). Здесь открыты ряды скелетов, большинство из которых положены ничком, с отчленёнными черепами, которые выложены отдельно группами в заполнении дромосов (Лян Сыюн, Гао Цюйсюнь 1962а: рис. 14—23). Обезглавленные жертвы довольно типичны (хотя и не повсеместно) для многочисленных жертвенных ям, в которых часто встречаются групповые погребения (рис. 6). Как показывают таблицы, где сведены данные о расположении скелетов в погребениях к востоку от M1001 (Лян Сыюн, Гао Цюйсюнь 1962а: 48—49) и к югу от M1440, возле большой могилы в Угуаньцуне, захоронения ничком были более частыми, чем на спине или в других позах (Чжунго 1977: 33—36). Антропологическое исследование в последней группе показало, что скелеты без черепов были в основном мужскими. Они помещены в ямы, ориентированные меридионально, тогда как полные скелеты, которых гораздо меньше, были погребены в могилах, ориентированных широтно. Как правило, полные скелеты принадлежат женщинам и детям и иногда сопровождаются погребальным инвентарём (Shelach 1996: 14—15; Ян Баочэн 2002: 88—89; Деопик и др. 2016: 593—595).

Отдельные типы упомянутых выше жертвенных комплексов, очевидно, создавались в рамках разных ритуалов и с различными намерениями, что подтверждается наличием или отсутствием предметов в захоронениях. Очень показательна крупная и разграбленная могила, исследованная в Угуаньцуне, где внутри ямы вокруг погребальной камеры были уложены сопровождающие знатного шанца (вероятно, вана) люди, многие из которых погребены в своих собственных гробах. К западу от основной камеры в числе прочих был захоронен человек со значительным ко-

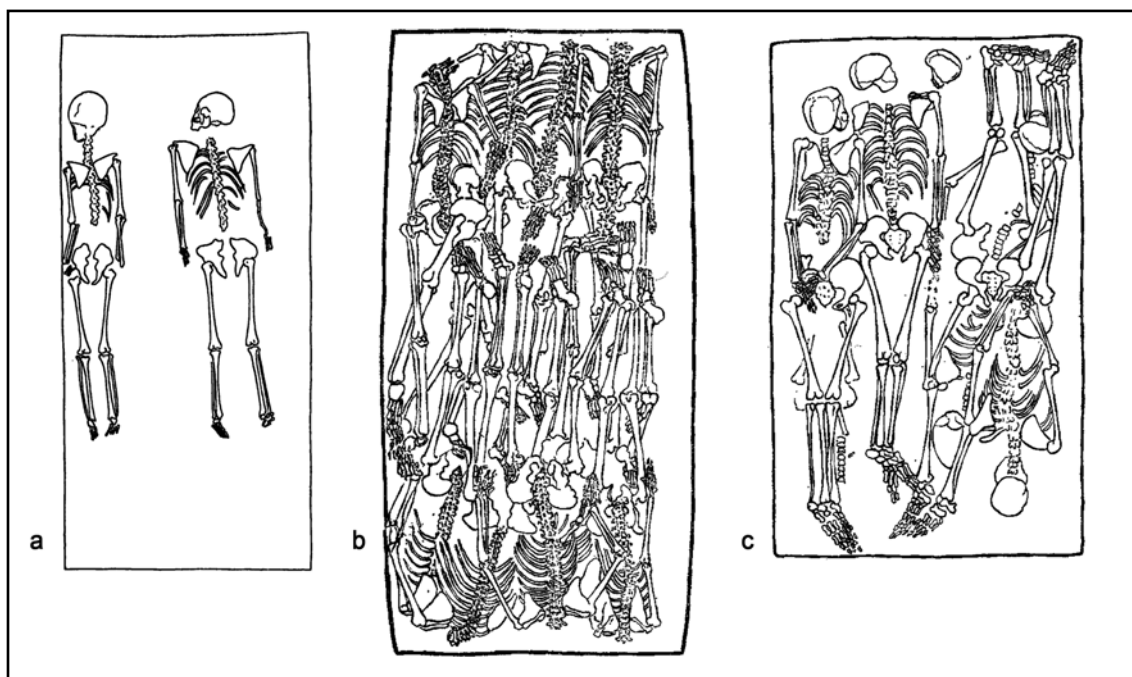

Рис. 6. Ямы в Анянь с групповыми жертвенными захоронениями ничком: а — Анянь, Хоуцзячжуан НРКМ2096 (по Лян Сыюн, Гао Цюйсюнь 1962а: 54, рис. 28); б, с — Анянь, Угуаньцунь М6 и М39 (по Чжунго 1977: рис. 3; 23).

Fig. 6. Sacrificial burial pits in Anyang with prone burials; а — Anyang Houjiazhuang НРКМ2096 (after Liang and Gao 1962а: 54, Fig. 28); б, с — Anyang Wuguancun М6 and М39 (after Zhongguo 1977: Fig. 3 and Fig. 23).

личеством ритуальных сосудов; в этой и других могилах найдены нефритовые украшения и оружие. Многие захоронения на западной стороне устроены ничком, но далеко не все. На восточной стороне от основной погребальной камеры также исследован ряд захоронений, но здесь погребений ничком несравненно меньше (Го Баоцзюнь 1951: 15—19). Без сомнения, в расположении этих сопроводительных могил наблюдается закономерность, которую сейчас трудно интерпретировать. Можно лишь утверждать, что она, безусловно, была определена порядком ритуала и предполагала погребение людей ничком преимущественно к западу от погребальной камеры.

Захоронения ничком часто встречаются в ямах с колесницами и лошадьми. Весьма показательные примеры таких захоронений исследованы на северном и центральном участках группы жертвенных ям в Сяотуне, около т.н. храма. В северной части раскопана могила М20 с тремя погребёнными людьми, четырьмя лошадьми и множеством остатков колесниц. Два человека похоронены ничком (Ши Чжанжу 1970b: 16). В центральной части, в погребении М164, колесничий также погребен на животе рядом с лошадью (Ши Чжанжу 1972: рис. 4).

Рассматривая все три варианта, — жертвенные ямы, погребения с колесницами и ло-

шадьями, захоронения в дромосах — можно предположить, что положение на животе было принятой в Шан позой для человеческих жертв, и так могли хоронить пленников. Жертвоприношения связывают с народом *цян*, который часто упоминается на гадательных костях (Ло Кунь 1991; Wang 1992; Shelach 1996; Fiskesjö 2001; Campbell 2018: 115—116, 203—208). Возможно, это наименование относится не к какому-то конкретному народу, а к широкому кругу инородцев, на которых шанцы вели охоту, которых брали в плен и приносили в жертву. Аналогичным образом, было бы непредусмотрительно однозначно отождествлять погребения ничком с *цянами* гадательных надписей, поскольку люди, похороненные в этой позе, зачастую имели более высокий статус, чем простые жертвы. Это особенно касается тех случаев, когда их погребали рядом с основной камерой в элитных могилах. Как будет показано далее, люди, которых хоронили ничком, часто имели собственные могилы.

В Аняне исследованы две очень показательные категории могил, которые демонстрируют примеры подобного обряда. Они позволяют считать погребения ничком культурным индикатором, сохранившимся в среде иноземцев, зависимых от элиты Шан или находящихся у неё на службе.

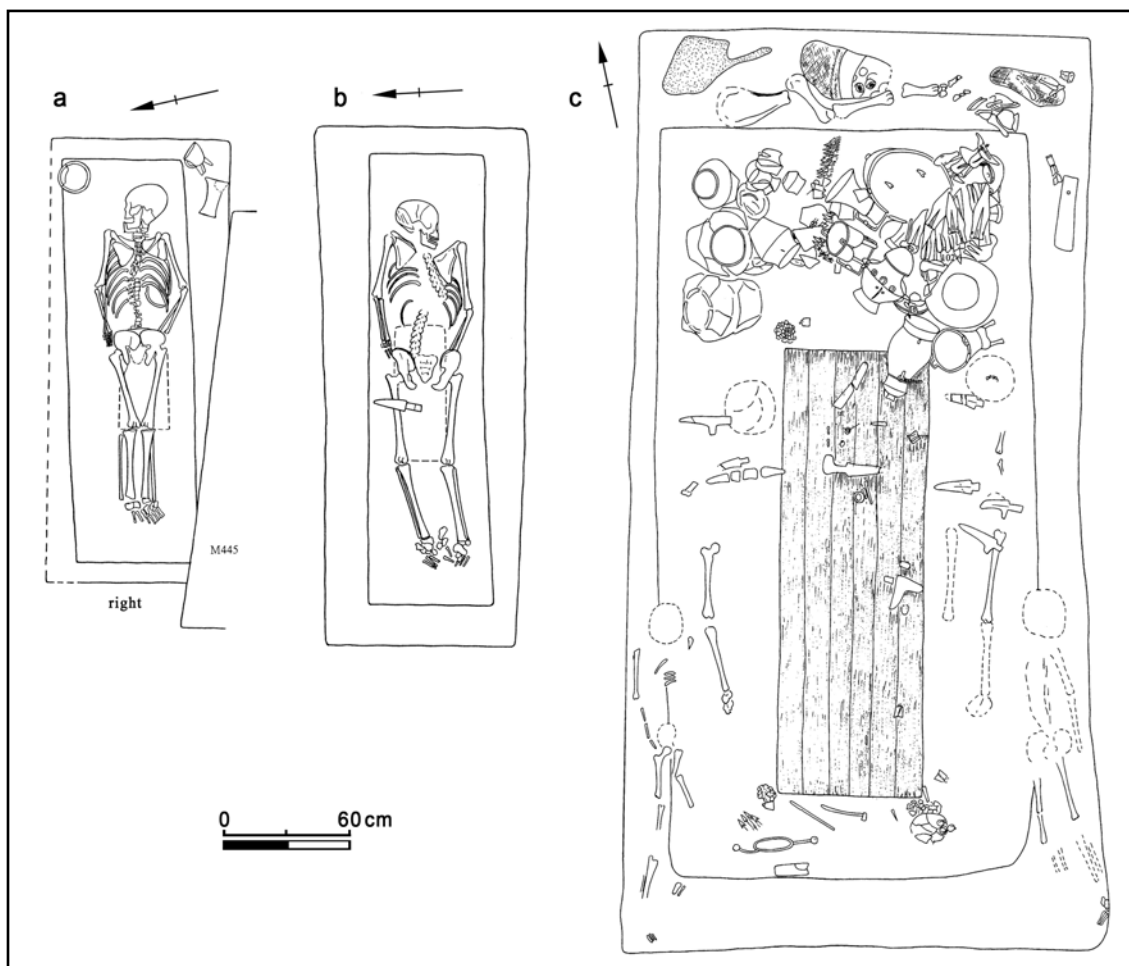

Рис. 7. Индивидуальные могилы с положением погребенных ничком и элитное захоронение в Дасыкуне, Аньян: а — M446 (по Чжунго 2014: 248, рис. 231); б — M62 (по Чжунго 2014: 251, рис. 236); в — план M303 (по Чжунго 2014: 402, рис. 373).

Fig. 7. Individual burials in prone position and an elite burial at Anyang Dasikongcun: а — M446 (after Zhongguo 2014: 248, Fig. 231); б — M62 (after Zhongguo 2014: 251, Fig. 236); в — plan of M303 (after Zhongguo 2014: 402, Fig. 373).

При исследованиях поселения и кладбища в Дасыкуне в Аньяне в 2004 г. обнаружено свыше двадцати¹ отдельных комплексов, содержащих захоронения ничком (Чжунго 2014а; 2014б). В некоторых погребениях были положены люди с оружием, а в одной могиле (M166) на уступе над головой погребённого среди керамики был установлен бронзовый трипод (Чжунго 2014а: 228, рис. 207). Часть этих могил устроена с элементами традиций Шан, с соблюдением ориентировки по оси север-юг и с захоронением собаки под гробом, что свидетельствует о принятии шанских ритуальных практик, а также говорит о том, что эти люди не были принесены в жертву. Керамические сосуды указывают на единую традицию изготов-

ления посуды, что также свидетельствует об интеграции этих людей в шанскую культурную среду.

Однако в этих погребениях зачастую присутствуют признаки отхода от шанских традиций погребального ритуала. Ряд могил имеет широтную ориентировку, люди в гробах лежат головой на восток (могилы M62, M209, M220, M365, M446) и на запад (могила M69); за головой покойника зафиксированы кости ног крупного рогатого скота, как в M225 и M230 (Чжунго 2014: 257, рис. 246, 247), что говорит о помещении в могилу мясных частей в качестве приношений — обычая, который не характерен для Шан, но часто принят в степных скотоводческих сообществах (рис. 7). Иногда керамика поставлена в ниши, специально выкопанные в стенке могильной ямы; авторы раскопок специально отмечают этот необычный для шанского обряда признак, сводя подобные случаи в отдельную таблицу, куда

¹ Возможно, таких погребений было больше, так как многие могилы потревожены или ограблены.

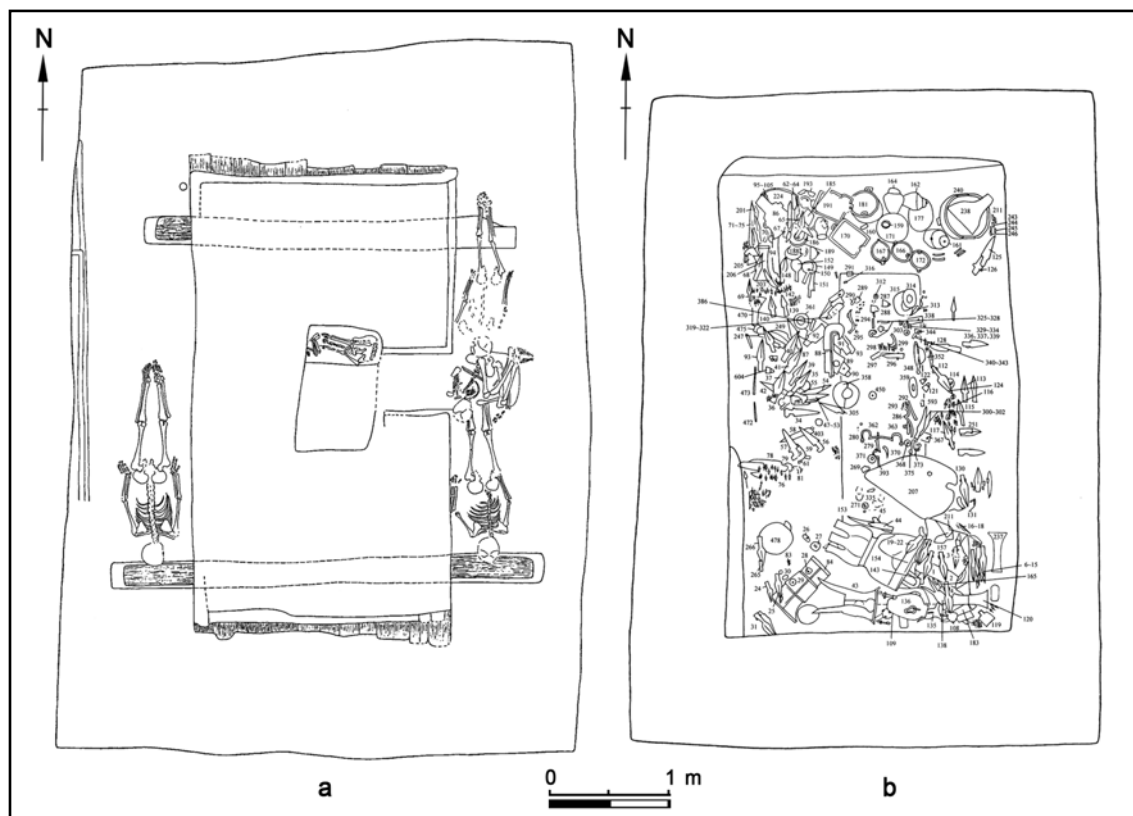

Рис. 8. Погребение M54 в дер. Хоуцзячжуан в Аньяне: а — план на уровне жертвенных захоронений на перекрытии погребальной камеры, с обозначением ямы с захоронением собаки под гробом (по Чжунго 2007а: 74, рис. 62); б — план на уровне сопроводительного инвентаря, помещенного над гробом внутри погребальной камеры (по Чжунго 2007а: рис. 77).

Fig. 8. Tomb M54 at Anyang Huayuanzhuang: a — plat at the level of sacrificial burials on the roof of the tomb; marked is a pit with a dog buried under the coffin (after Zhongguo 2007a: 74, Fig. 62); b — plan at the level of grave goods placed above the coffin inside the burial pit (after Zhongguo 2007a: Fig. 77).

вошли данные о тридцати погребениях (Чжунго 2014: 210—211).

Кроме этих могил, на кладбище исследованы три ямы с колесницами, из которых две содержали погребения ничком. К северу от них располагалось захоронение аристократа, погребённого в могиле M303. Он был похоронен с большим количеством бронзовых сосудов и изделий из нефрита. Погребальная поза этого захороненного осталась неясной, но все элементы ритуалов, характерных для элиты Шан, позволяют считать эту могилу типично шанской. Можно, впрочем, отметить и здесь необычный для шанского обряда элемент — под северной стенкой ямы зафиксированы кости ноги крупного животного (рис. 7) (Чжунго 2014: 402, рис. 373).

Не менее пышное захоронение, совершённое по шанским ритуалам, но с уложенным ничком погребённым, открыто на другом кладбище Аньяна, расположенном в деревне Хуаюаньчжуан (Чжунго 2007а), к югу

от известной гробницы Фу Хао, супруги шанского вана У Дина (Чжунго 1980). В могиле M54 (рис. 8) похоронен мужчина 55 лет, положенный на живот, с черепом, повернутым на запад. Правая рука согнута в локте, кисть под животом, левая откинута в сторону стенки гроба, ноги в нижней части сведены вместе. На костях зафиксированы многочисленные травмы. На уровне ступени около перекрытия лежали на животах три женских скелета; ниже, рядом с гробом, находились отдельные черепа и останки еще двенадцати человек. Под гробом и рядом с ним было похоронено пятнадцать собак (количество собак соответствует количеству сопроводительных человеческих погребений).

В могилу был помещён большой набор бронзовых сосудов, что указывает на высокий статус погребённого (рис. 8b). Набор включал восемь круглых и прямоугольных триподов *дин*, один сосуд для варки на пару *янь*, девять высоких кубков *гу* и девять треножных сосудов для сервировки алкоголя

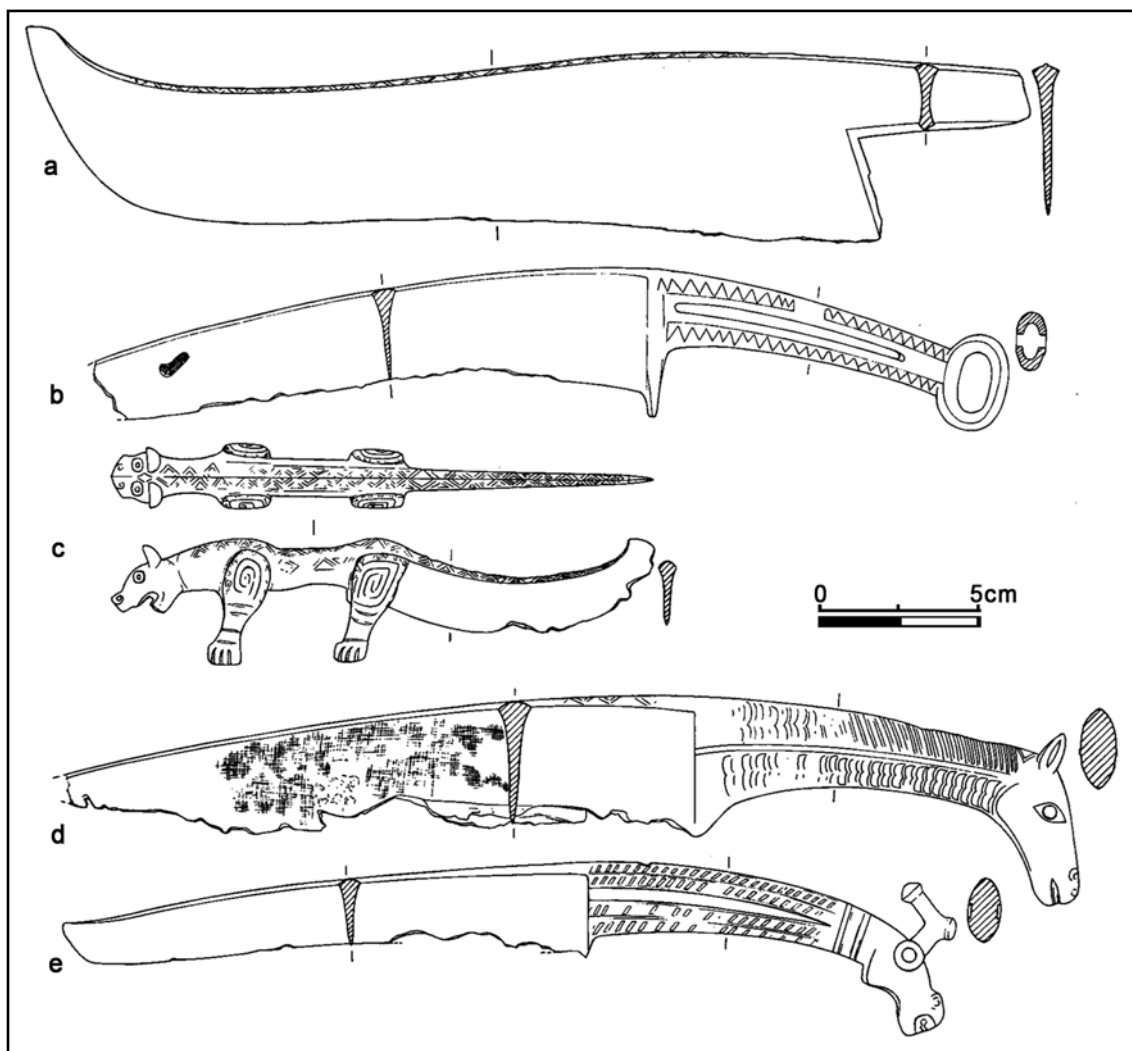

Рис. 9. Ножи из погребения М54 в дер. Хоуцзячжуан в Аньяне (по Чжунго 2007а: 166—167, рис. 126, 127).

Fig. 9. Knives from tomb M54 of Anyang Huayuanzhuang (after Zhongguo 2007a: 166—167, Fig. 126 and 127).

цзюэ — это самые важные винные сосуды в шанском ритуале. Были также редкие формы — прямоугольный винный сосуд цзя, корыччатый контейнер для вина фанъи. Кроме того, набор включал уникальный бронзовый сосуд, выполненный в виде фигуры быка с профильными изображениями тигров на боках и голове животного. Можно предположить, что человек, похороненный в М54, был военачальником, поскольку его сопровождало значительное количество предметов вооружения — наконечников стрел и копий разных типов, секир, танговых и проушных клевцов, кельтов и ножей.

Из пяти бронзовых ножей (рис. 9) только один экземпляр с коротким черешком, уступом и загнутым вверх окончанием лезвия может считаться типично шанским (рис. 9: а). Один небольшой нож уникален и не имеет аналогов. Его рукоять выполнена в виде фи-

гуры стоящего зверя (вероятно, кошачьего хищника), а лезвие, изогнутое плавной дугой, образовано его хвостом. По обушковой части клинка и рукояти пущен орнамент в виде треугольных фигур, образующих ромбы, а лапы зверя декорированы спиралями и поперечными полосами (рис. 9: с). Ещё один нож относится к категории выгнутообушковых и имеет овально-кольчатое навершие рукояти (рис. 9: b). Овальная в сечении рукоять имеет прорезь по длинной оси и литой орнамент в виде выпукло-вогнутых треугольников по краям, образующих зигзаг. Лезвие отделено от рукояти гардой с выступающим шипом. Остриё клинка, вероятно, обломано и не сохранилось, что можно понять по рисунку в публикации (Чжунго 2007а: 167, рис. 127: 2).

Ещё два ножа, найденные в М54, следует рассмотреть подробнее, так как именно такие изделия считаются инокультурными

в Шан (рис. 9: d, e). Они имеют зооморфные навершия рукоятей — в виде головы лошади и животного с небольшим, раздваивающимся на конце рогом (олень?). Клинки обоих ножей с прямым обухом, овальные в сечении рукояти слегка изогнуты, а лезвия отделены от рукоятей острым уступом. Остриё у ножа с оленем загнуто к обуху и слегка оттянуто вверх, в то время как у ножа с головой лошади лезвие выкрошилось и не сохранилось. Рукояти обоих предметов разделены на две части, но разными приёмами. На ноже с оленем это сделано глубоким продольным желобком, который ассоциируется с прорезью на рассмотренном ранее ноже (рис. 9: b). Желобок начинается от лезвия и постепенно сужается к навершию, отделённому от него двумя поперечными ободками. Две части рукояти выше и ниже желобка также разделены пополам продольными линиями, которые покрыты косыми литьевыми насечками (рис. 9: e). У ножа с лошадью рукоять разделена слегка выпуклой линией. Орнамент по сторонам от неё различается: в верхней части он, вероятно, имитирует гриву лошади, расходясь по обе стороны наклонными линиями, а в нижней образован сдвоенными полукруглыми фестонами (рис. 9: d). Навершия ножей представляют собой объёмные головы животных. У лошади показаны оба уха, глаза миндалевидных очертаний с круглым зрачком, пасть и ноздри. У оленя глаза переданы двойной окружностью. Непосредственно от линии глаз, слегка выступающей над головой, вверх отходит рог², имеющий два ответвления разной длины, — короткое вперёд и длинное назад — которые заканчиваются небольшими утолщениями. У животного показана сильно выступающая челюсть, желобками изображены овальная пасть и ноздри, которые, по-видимому, как и глаза, выполнены в виде двойной окружности.

Кроме ножей, которые не являются типично шанскими и стилистически, и по морфологическим особенностям, в могиле обнаружено еще несколько необычных предметов. Уникальной находкой для Китая является каменное изделие (возможно, часть более крупного предмета) с тремя полукруглыми углублениями-емкостями (рис. 10: a), которые были заполнены красителями (Чжунго 2007а: вкл. 54: 1). Аналогии такому предмету известны в степных кочевнических комплексах гораздо более позднего времени на Южном Ура-

ле в могильнике Филипповка (рис. 10: b). Там такие каменные плитки с ямками, заполненными краской, найдены в составе наборов для татуировок и рассматриваются как палитры (Яблонский 2011: табл. XI: 7, 9)³.

Кроме того, в погребении М54 в дер. Хуаюаньчжуан найдено несколько обкладок из тонкого листового золота, среди которых выделяются два довольно крупных круглых диска с орнаментом, выполненным чеканкой точечным пуансоном. На одном диске орнамент выполнен в виде трех окружностей вдоль края изделия, средняя из которых прочеканена с противоположной стороны относительно двух других, что придало диску некоторый рельеф. Второй диск, помимо окружностей, выполненных таким же способом, имеет в центре рисунок в виде шестилучевой звезды (рис. 10: c). Подобные звезды с разным количеством лучей зачастую украшают металлические детали колесниц и центральную часть предметов в виде ярма, являющихся атрибутами колесничих (рис. 10: d, e). Можно предположить, что такие знаки, вероятно, имели символическое значение для людей, связанных с колесницами и лошадьми.

Погребенный в М54 также имел отношение к колесницам, так как с ним найдены шесть предметов в виде ярма с бубенчиками и головами лошадей на концах (рис. 10: e). Считается, что они, являясь пряжками колесничих, символизируют присутствие в могиле колесницы. К украшениям сбруи колесничных лошадей, возможно, относятся колокольчики и бляшки *пао*, имеющиеся среди погребального инвентаря. На связь погребенного с лошадьми указывают и рукояти двух плетей, найденные в могиле.

Комплекс предметов, обнаруженный в могиле М54 кладбища в дер. Хуаюаньчжуан, включал также большое количество оружия и украшений из нефрита, несколько бронзовых колоколов, набор шанской керамической посуды и многое другое. В данном случае мы сосредоточили внимание на необычных для шанских традиций предметах, которые найдены в захоронении человека, положенного ничком, но погребенного с соблюдением всех ритуалов Шан. Такое богатство исключает жертвенный характер захоронения и указывает

² По рисункам и фотографиям этого ножа в публикации, сделанным строго сбоку, остается неясным, имеется ли на голове оленя второй рог (Чжунго 2007а: рис. 126: 2; фото 29: 3).

³ Довольно редкие для Шан бронзовые изделия с четырьмя вертикальными трубками также считаются контейнерами для краски и могут происходить от этих каменных прототипов. Один экземпляр такого изделия был найден в могиле М82 в западной части Аньяня (Ян Баочэн, Ян Сичжан 1979: 97, рис. 71: 7).

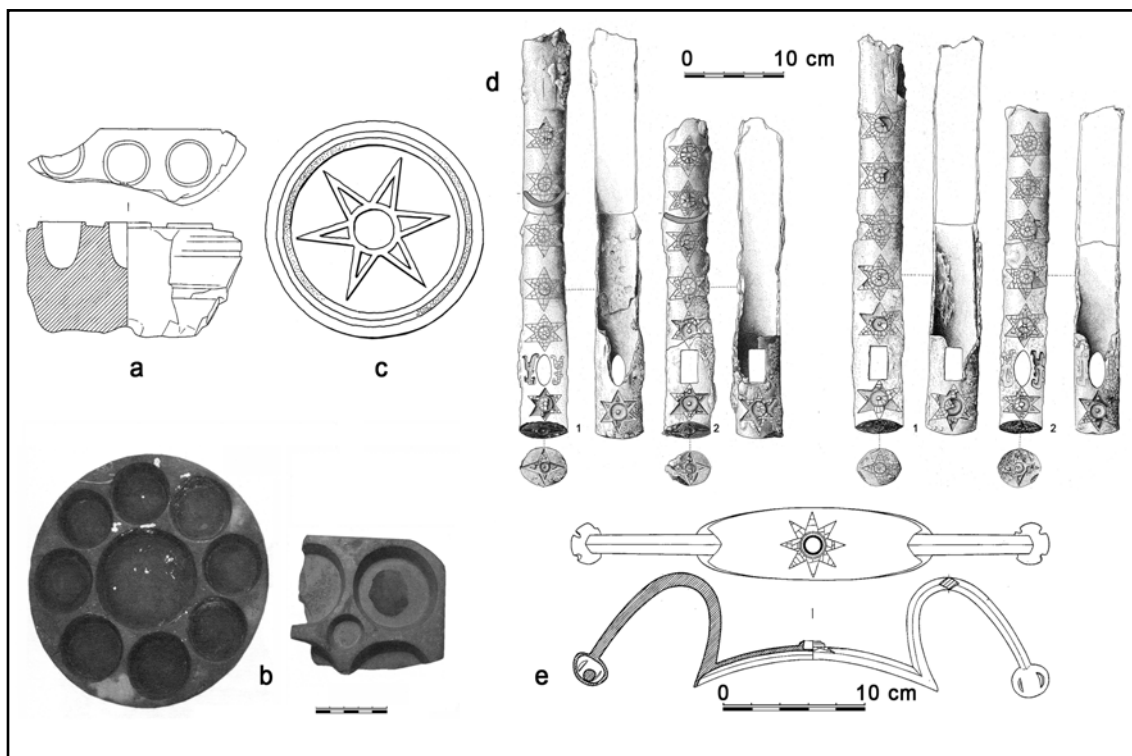

Рис. 10. Находки в погребении М54 в дер. Хоуцзячжуан в Аньяне и аналогии: а — фрагмент каменного сосуда для красящих веществ. Хоуцзячжуан, М54 (по Чжунго 2007а: 133, рис. 100); б — две каменных палитры из могильника Филипповка I (по Яблонский 2011: табл. XI: 7, 9); в — круглая аппликация из листового золота с орнаментом в виде шестилучевой звезды. Хоуцзячжуан, М54 (по Чжунго 2007а: илл. 57). Рисунок Джона Роусона; д — облицовка ярма с декором в форме шестиконечных звезд из колесничного погребения М20 в дер. Сяотунь в Аньяне (по Ши Чжанжу 1970b: вкл. 64); е — предмет в виде ярма с бубенцами и орнаментом в виде восьмиконечной звезды, из погребения М132 в Цяньчжанда, пров. Шаньдун (по Чжунго 2005: 331).

Fig. 10. Artefacts from Anyang Huayuanzhuang and some counterparts: a — fragment of a stone receptacle for coloured pigment from tomb M54 at Anyang Huayuanzhuang (after Zhongguo 2007a: 133, Fig. 100); b — tattoo palettes from Filippovka (after Яблонский 2011: табл. XI: 9, 7); c — circular gold foil applique decorated with a six-pointed star from tomb M54 (after Zhongguo 2007a: Pl. 57), drawn by John Rawson; d — yoke lining decorated with six-pointed stars from a chariot burial M20 at Anyang Xiaotun (after Shi 1970b: Pl. 64); e — bow-shaped item with jingles decorated with an eight-pointed star, from Qianzhangda M132, Shandong province (after Zhongguo 2005: 331).

на высокое положение этого человека в шанском обществе.

Таким образом, мы можем утверждать, что погребальная поза на животе фиксируется в культуре Шан в следующих случаях:

1. Расположенные рядами погребения людей в дромсах могильных ям верховной элиты с отделением головы (рис. 5);

2. Погребения на ступени вокруг погребальной камеры вместе с другими сопроводительными захоронениями (рис. 8: а);

3. Многослойные погребения в жертвенных ямах, также преимущественно без головы, иногда, совместно с людьми, положенными в других позах (рис. 6);

4. Некоторые погребения вместе с колесницами и лошадьми (рис. 11);

5. Некоторые погребения в маленьких отдельных могилах с небольшим набором предметов, в том числе и с оружием (рис. 7);

6. В небольшом числе — элитные погребения, совершенные с соблюдением ритуалов Шан, присущих этой социальной категории (рис. 8).

В целом такая особенность, как положение ничком, была достаточно распространена на шанских кладбищах. Статистические подсчеты, выполненные по материалам шести местонахождений в Аньяне, показывают, что в целом на животе погребено более 30 процентов людей (Чжан Миндун 2011: 117). Приведенные выше особенности шести вариантов таких захоронений позволяют утверждать, что, если для первых четырех из них несомненен или возможен жертвенный характер, то для двух последних он может быть исключен. Соответственно, мы вправе предположить, что обряд помещения покойника в могилу ничком является традицией населения, которое, находясь в тесном контакте с Шан, хотя

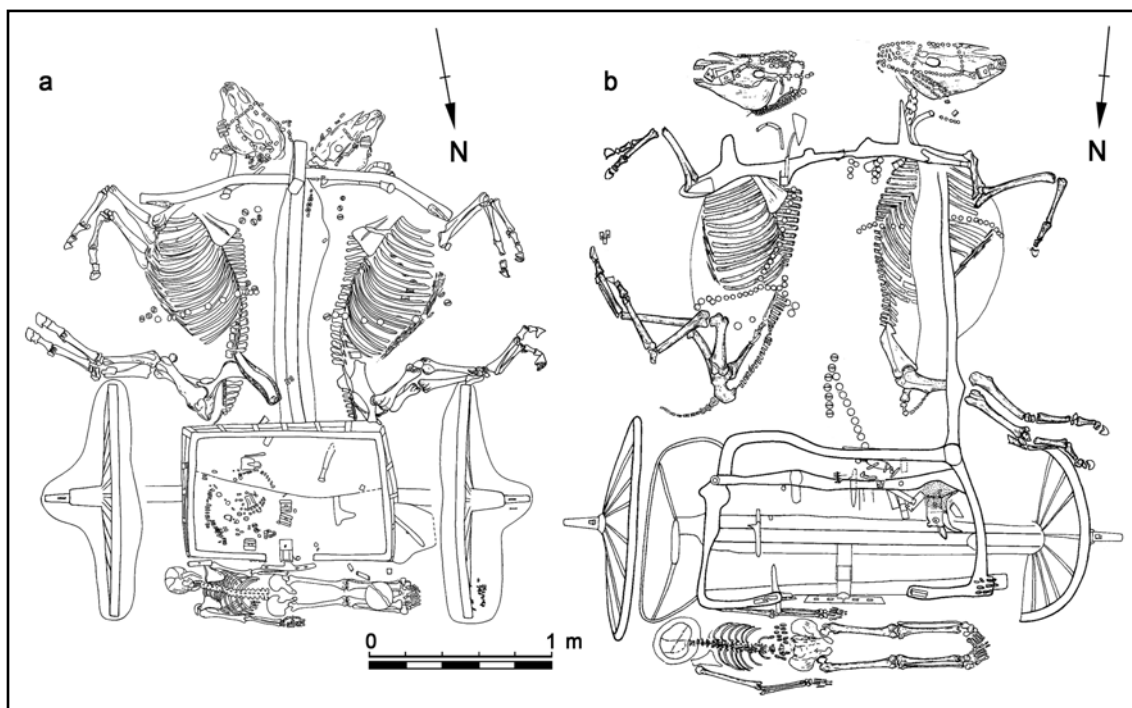

Рис. 11. Погребения с колесницами и колесничими, захороненными ничком: а — T1512M226 в Дасыкуне, Аньян (по Чжунго 2014: рис. 416); б — M40 в Цяньчжанда (по Чжунго 2005: 126, рис. 95).

Fig. 11. Chariot burials with attendants in prone position: а — T1512M226 at Anyang Dasikong (after Zhongguo 2014: Fig. 416); б — M40 at Qianzhangda (after Zhongguo 2005: 126, Fig. 95).

и восприняло шанские ритуалы, но сохранило свою идентичность. Следует, тем не менее, отметить, что в шанский период такая идентичность могла быть присуща не единственной группе людей.

Погребения ничком зафиксированы уже в культуре Эрлитоу (Хуан Чжаньюэ 2004: рис. 18), где их можно отнести к третьему варианту (погребения в жертвенных ямах), но уже на раннем этапе Шан известны захоронения лицом вниз, совершенные с оружием и набором предметов, как в Чжэнчжоу (Хуан Чжаньюэ 2004: рис. 20) или в Тайси в провинции Хэбэй (Хэбэйшэн 1985). Распространение подобной ритуальной практики в столь сложно стратифицированном обществе предполагает контакт шанцев с носителями этой традиции с самого начала формирования культуры Шан. Этот контакт мог иметь в разное время различный характер — от конфронтации до союзных отношений, как это видно по нескольким более поздним примерам взаимодействия Древнего Китая с инокультурным окружением, зафиксированным в письменных источниках (Di Cosmo 2002).

Причина, по которой эти люди были важны для Шан, вероятно, может быть раскрыта при рассмотрении третьего и шестого вариантов погребений. Судя по всему, они были

связаны с принятием на вооружение в Шан (и, как следствие этого, вхождение в ритуальную практику) колесничного комплекса. В настоящий момент ни у кого не вызывает сомнений, что появление колесниц в Древнем Китае не позднее 1250 г. до н.э. является влиянием степных культур. Принятая и адаптированная в позднем Шан колесница стала на протяжении долгого времени основным средством ведения войны и символом элитарной воинской субкультуры (Чжу Фэнхань 2013; Wu 2013). Вероятно, по крайней мере, на начальном этапе, для обслуживания колесниц и, особенно, лошадей, привлекались жители Степи, обладающие необходимым опытом. Соответственно, поиск истоков традиции погребений ничком, зафиксированной в колесничных и воинских захоронениях, должен вестись, прежде всего, в этом направлении.

Единственная известная на настоящий момент область Степи, где практиковались погребения на животе, расположена на юге Монголии, где выделена культура с такой традицией захоронений (Ковалев, Эрдэнэбаатар 2010: 104—105, рис. 1: 1—6). Авторы статьи, в которой были впервые сформулированы основные признаки этой культуры, предполагают, что ареал её включает южные аймаки Монголии и примыкающие к ним с юга террито-

№2. 2020

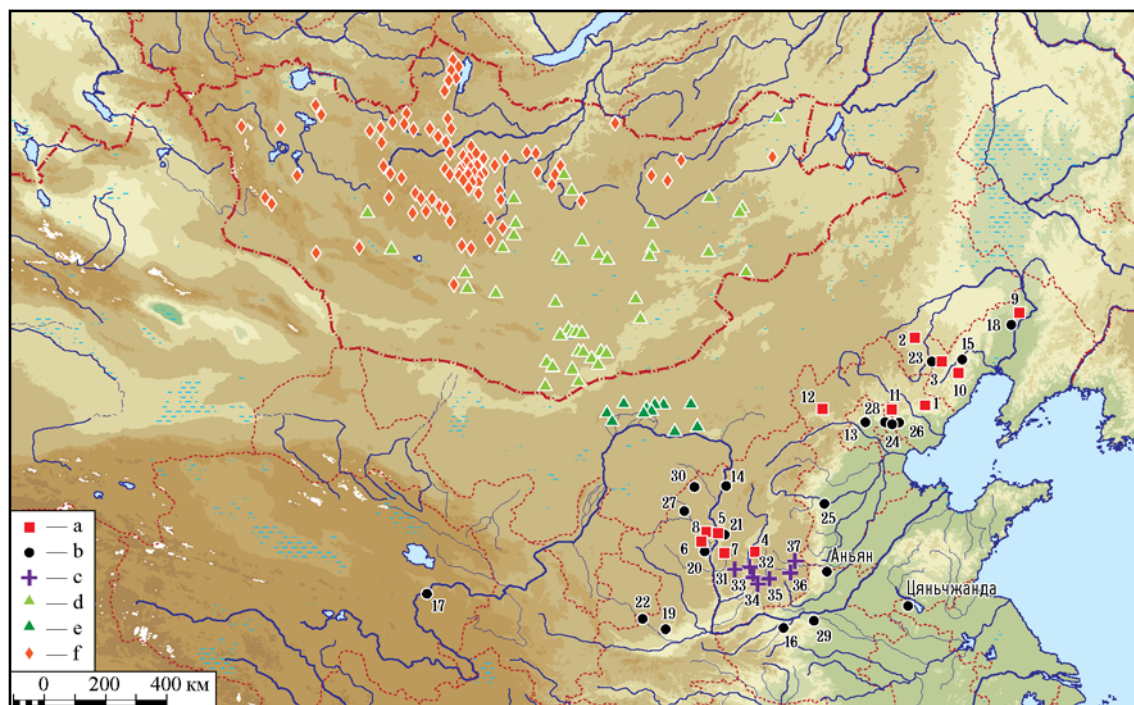

Рис. 12. Памятники, упоминаемые в статье, ареалы культуры Уланзурх-Тэвш и оленных камней в Монголии. Карта составлена Хуань Лиминем: а — Памятники, содержащие бронзовые изделия в стиле Тэвш: 1 — Чаодаогоу; 2 — Чжэнцзи в Чифэне; 3 — Цзяньпин; 4 — Цзинцзе; 5 — Люлинь; 6 — Цинцзянь; 7 — Шилоу; 8 — Суйдэ; 9 — Ваньлю, уезд Факу; 10 — Вэйинцзы; 11 — Синлун; 12 — Чжанцзякоу; b — Прочие памятники: 13 — Байфу; 14 — Баодэ; 15 — Чаоян; 16 — Эрлитоу; 17 — Гаматай; 18 — Гаотайшань; 19 — Хэйдюуцзуй; 20 — Лицзя; 21 — Люйлян; 22 — Няньцзыпо; 23 — Нинчэн; 24 — Пингу; 25 — Тайси; 26 — Вэйфан; 27 — Юйлинь; 28 — Чжанцзяюань; 29 — Чжэнчжоу; 30 — Чжункайгоу; c — Связанные с Шан памятники-сателлиты (по Cao Dazhi 2014: fig. 4: 2): 31 — Пусянь; 32 — Шанцунь; 33 — Цяньбайцунь; 34 — Цяобэй; 35 — Байцунь; 36 — Чанчжи; 37 — Шангуйхуа; d — Памятники культуры Уланзурх-Тэвш в Монголии (по Eregzen 2016: map 4); e — Памятники культуры Уланзурх-Тэвш на хребте Иньшань (плиточные могилы) (по Ма Цзянь 2015); f — Оленные камни (по Волков 2002: рис. 1).

Fig. 12. Sites mentioned in the article, the distribution of Ulanzurh-Tevsh culture and deer stones in Mongolia, drawn by L. Huan a — Sites with Tevsh-style bronze artefacts: 1 — Chaodaogou; 2 — Zhengji, Chfeng; 3 — Jianping; 4 — Jingjie; 5 — Liulin; 6 — Qingjian; 7 — Shilou; 8 — Suide; 9 — Wanliu, Faku county; 10 — Weiyinzi; 11 — Xinglong; 12 — Zhangjiakou; b — Other sites: 13 — Baifu; 14 — Baode; 15 — Chaoyang; 16 — Erlitou; 17 — Gamatai; 18 — Gaotaishan; 19 — Heidouzui; 20 — Lijia; 21 — Liliang; 22 — Nianzipo; 23 — Ningcheng; 24 — Pinggu; 25 — Taixi; 26 — Weifang; 27 — Yulin; 28 — Zhangjiayuan; 29 — Zhengzhou; 30 — Zhukaigou; c — Shang-related satellite sites (after Cao Dazhi 2014, Fig. 4: 2): 31 — Puxian; 32 — Shangcun; 33 — Qianbaicun; 34 — Qiaobei; 35 — Baicun; 36 — Changzhi; 37 — Shangguihua; d — Ulanzurh-Tevsh sites in Mongolia (after Eregzen 2016: map 4); e — Ulanzurh-Tevsh sites on Yinshan edge (slab graves) Yinshan (after Ma Цзянь 2015); f — Deer stones (after Волков 2002: рис. 1).

рии Внутренней Монголии. Позднее монгольские археологи нашли обширные могильники с погребениями ничком в восточных аймаках страны. По памятникам, содержащим наиболее представительный материал, культуру предложено именовать Уланзурх-Тэвш (Amartuvshin 2016: 72—87) (рис. 12). Археологические разведки в Северном Китае показали распространение памятников этой культуры во Внутренней Монголии в отрогах гор Иньшань (Ма Цзянь 2015: 278—285). В настоящий момент исследовано едва ли более двух десятков памятников культуры Уланзурх-Тэвш (Волков 1972: 556; Ковалев, Эрдэнэбаатар 2010; Miyamoto 2016; Amartuvshin 2016), однако полученные по образцам костей из мо-

гил радиоуглеродные датировки показывают период ее существования с XIII по X в. до н. э. (Ковалев, Эрдэнэбаатар 2010: 105; Miyamoto 2016: 64).

Надмогильные сооружения культуры Уланзурх-Тэвш разнообразны. Они чаще всего легко узнаваемы до раскопок по очень характерной конфигурации, которую монгольские археологи называют «формой песочных часов» (Amartuvshin 2016: 72). Представляется, что такие очертания больше напоминают распластанную шкуру животного, которую, вероятно, и воспроизводили в погребальном ритуале (рис. 13). Раскопки показали, что это не единственный тип погребальных конструкций, характерный для данной культуры.

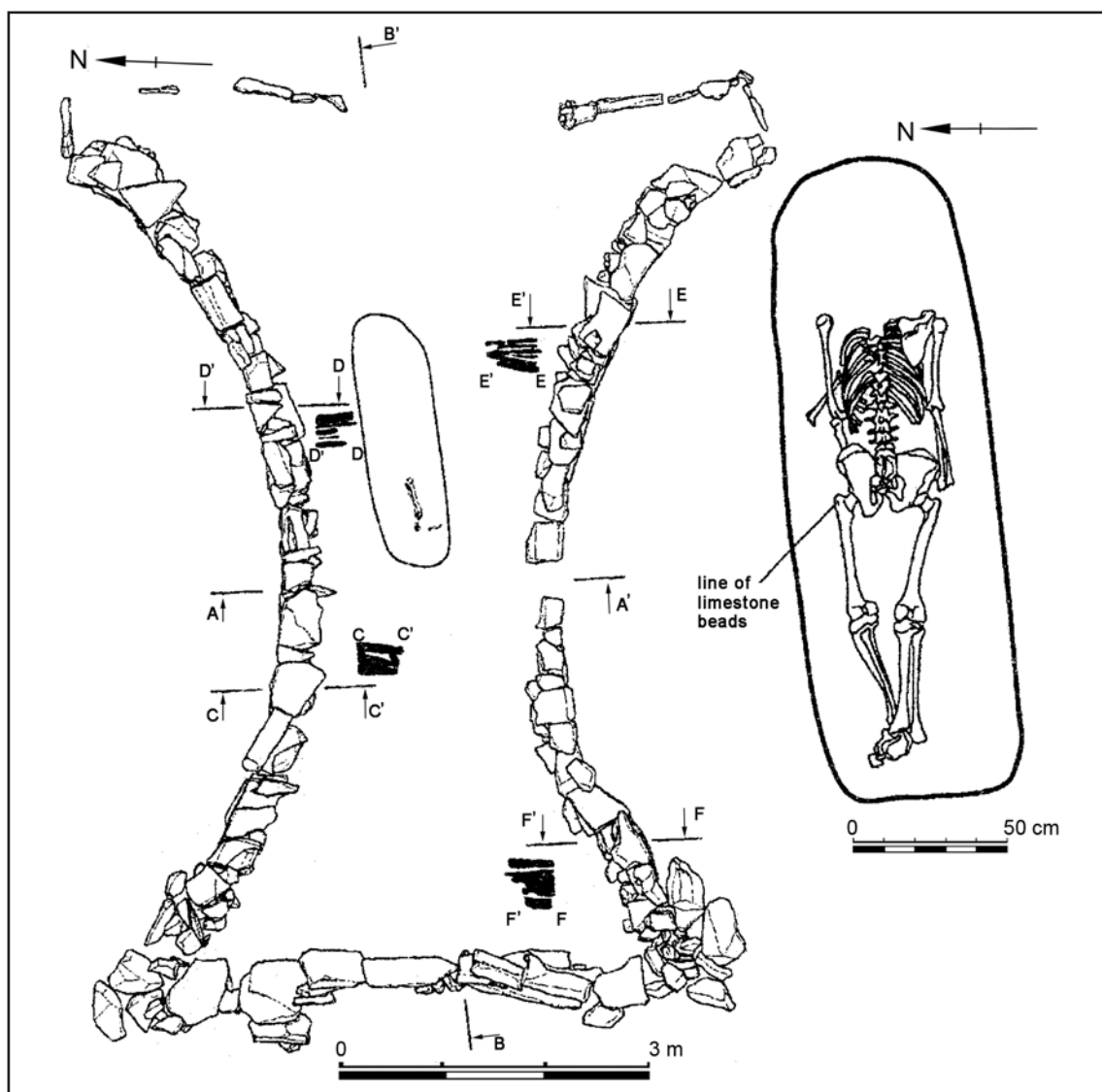

Рис. 13. План каменной выкладки и погребения культуры Уланзурх-Тэвш в Монголии (по Ковалев, Эрдэнэбаатар 2010: 105, рис. 1: 1, 3).

Fig. 13. Plans of stone lining and burials of Ulanzurh-Tevsh culture in Mongolia (after Ковалев, Эрдэнэбаатар 2010: 105, рис. 1: 1, 3).

Над могилами, кроме сооружений описанной выше формы, иногда строились полукруглые каменные выкладки, а на востоке Монголии зафиксированы прямоугольные ограды. Все эти конструкции встречаются в пределах одной могильники и объединяются погребальной традицией помещения покойника в узких ямах ничком, головой на восток.

Почти все могилы культуры Уланзурх-Тэвш ограблены. Находки в основном включают разнообразные каменные бусы, кости животных и немногочисленные каменные предметы. Изделия из металла единичны, но очень характерны. В 1971 г. у горы Тэвш в могильнике Тэвш уул В. В. Волковым была раскопана непотревоженная могила, где найдены зо-

лотые заколки U-образной формы с головками барана на одном конце (Волков 1972: 555). Обломок такой же золотой заколки, обнаруженной недавно в могильнике Чандмань-Хар уул (Amartuvshin 2016: fig. 85) позволяет считать эти украшения специфическим типом для культуры Уланзурх-Тэвш (рис. 14). Между тем, давно замечено, что иконография баранов на заколках из погребения в Тэвш уул соответствует стилистике наверший кинжалов, ножей и некоторых других предметов на территории Китая и Монголии (Волков 1972: 556; Новгородова 1989: 137—139).

Изображения голов животных, изготовленных в этом стиле, очень специфичны — глаза зверя выполнены в виде выступающей

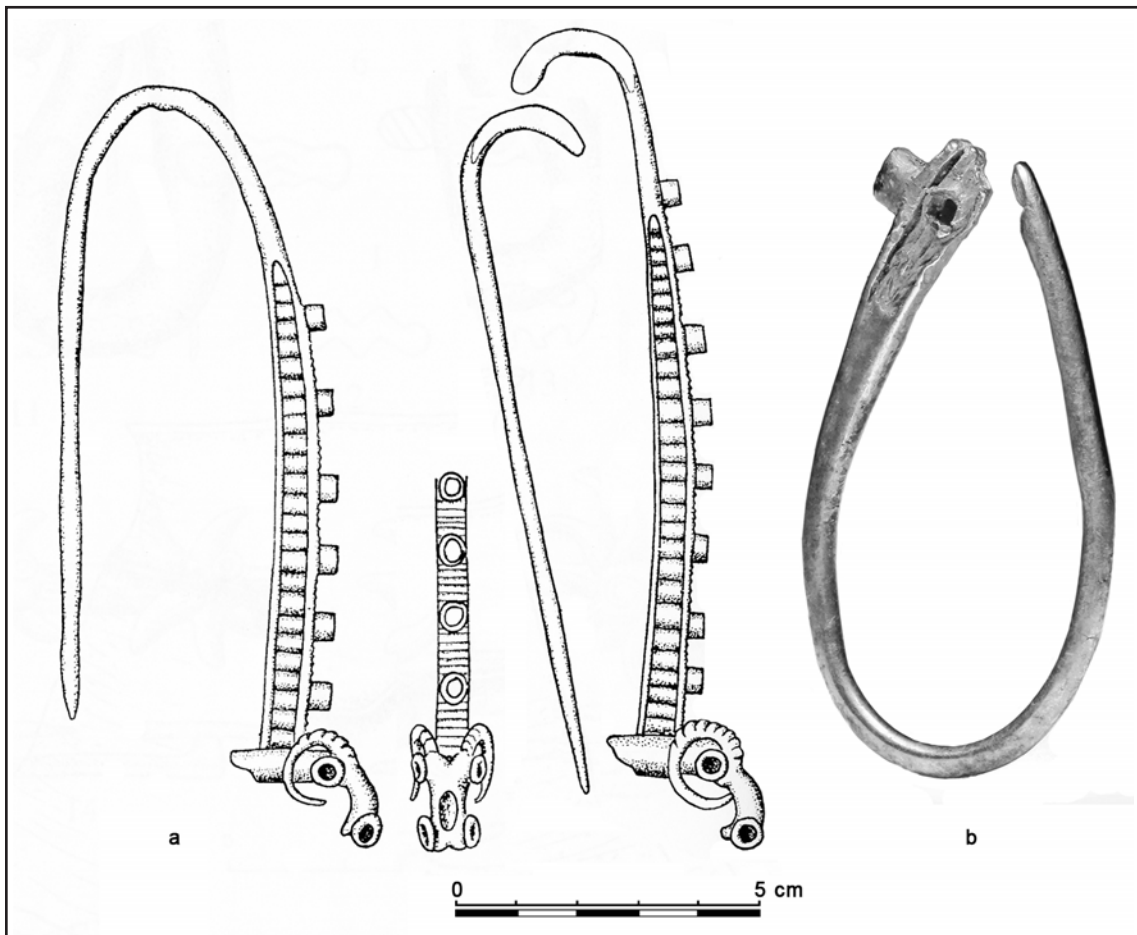

Рис. 14. U-образные золотые шпильки из комплексов культуры Уланзурх-Тэвш: а — с навершиями в виде головы барана из погребения в Тэвш уул (по Цыбиктаров 1998: рис. 55: 4, 5); б — фрагмент подобной из могильника Чандмань-Хар уул (по Amartuvshin 2016: pic. 85)

Fig. 14. U-shaped golden hairpins from the Ulanzurh-Tevsh complexes: a — with ram head decoration from the burial in Tevsh Uu (after Цыбиктаров 1998: рис. 55, 4,5); b — fragment of a similar item from the Chandman'-Har Uulcemetry (after Amartuvshin 2016: pic. 85).

трубки, рога козла или барана всегда начинаются непосредственно от нее, а уши (если они имеются) сдвинуты назад и устремлены вверх. Мы предлагаем назвать такую стилистику зооморфных образов стилем Тэвш.

Известный клад бронзовых предметов, найденный в уезде Цяньлун провинции Хэбэй в Чаодаогоу (рис. 12: 1) в 1961 г. (Чжэн Шаоцзун 1962; Варенов 1999: 306—311), позволяет связать с изделиями в этом стиле еще ряд характерных предметов вооружения, распространенных достаточно широко по Дуге во время Шан и в начале Западного Чжоу (рис. 15). Прежде всего, это ножи и кинжалы со слегка изогнутой рукоятью с навершиями в виде головы животного в стиле Тэвш или бубенчика, небольшой петелькой под ним и с гардами в виде выступов, перпендикулярных широкому клинку. Рукояти их, как правило, орнаментированы рядами поперечных на-

сечек и зигзагообразными линиями, зачастую разделены продольно прорезью или желобком, либо орнаментальной полосой. В Чаодаогоу в стиле Тэвш оформлены навершия кинжала и ножа (Рис. 15: 3, 4), но клад содержит нож с так же, как у них, оформленной рукоятью, бубенчиком на ее окончании и петелькой под ним (Рис. 15: 5). Другие ножи, найденные в Чаодаогоу, имеют овально-кольчатые навершия (Рис. 15: 6—8), а у одного из них — три выступа-кнопки на кольце. Лезвия ножей отделены от рукояти выступами-шипами (Рис. 15: 5—7) или выступающей планкой. Кроме клинкового оружия клад содержит также проушной плоский клевец с высокой продольной нервюрой (Рис. 15: 1) и втульчатый топор с прямоугольным выступом на обухе (Рис. 15: 2).

Безусловно, находка в одной могиле культуры Уланзурх-Тэвш заколок с навершиями

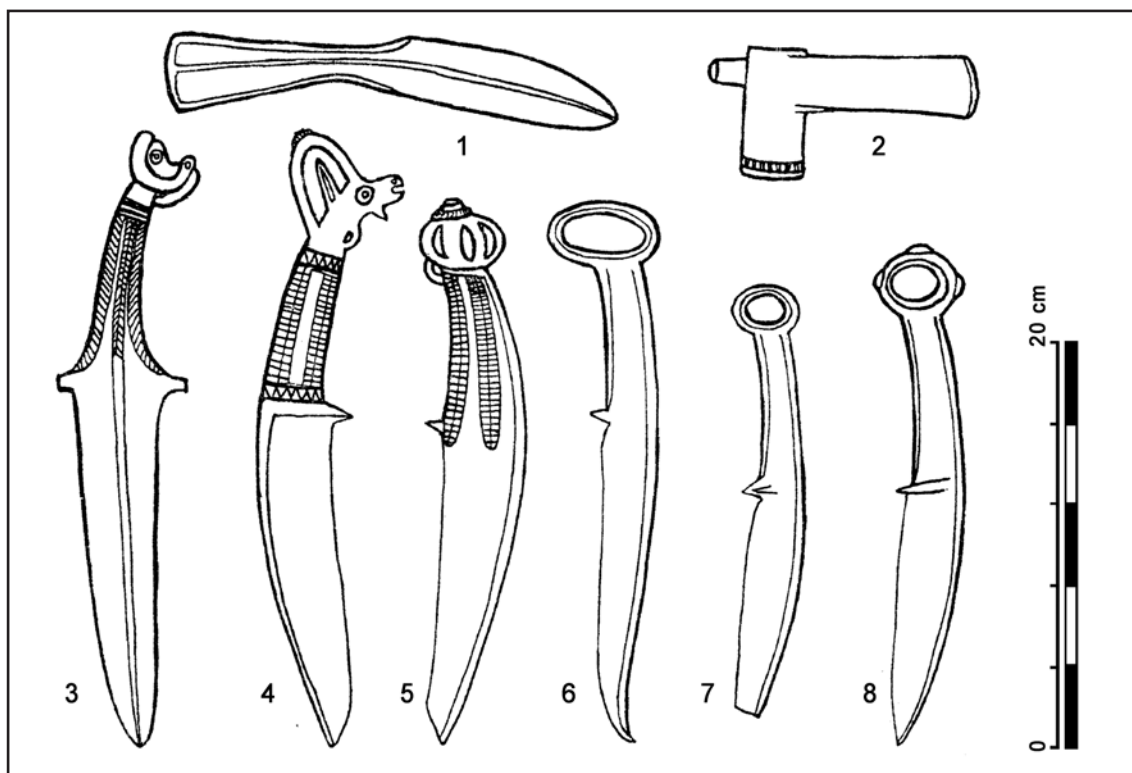

Рис. 15. Оружие из клада Чаодаогоу в пров. Хэбэй (по Варенов 1999: 307, рис. 1).

Fig. 15. Weapons from the Chaodaogou hoard in Hebei province (after Варенов 1999: 307, рис. 1).

в стиле Тэвш не позволяет утверждать, что ее носители являются единственным источником этого комплекса вооружения, но включает их в круг инокультурного окружения Центральных равнин, вооруженных подобным набором. Вероятно, такое распространение очень близких типов оружия и специфического стиля можно сопоставить с широким бытованием в предшествующее время в разных культурных средах сейминско-турбинских бронз, и так называемую «скифскую триаду» в последующее. К сожалению, степные памятники, исследованные в Монголии, чрезвычайно бедны находками, но с этой территории происходит значительное количество случайно обнаруженного оружия соответствующих типов, а также других бронзовых изделий, выполненных в стиле Тэвш. Если принять на веру указанные места их нахождения (Erdenechuluun 2011), то основное сосредоточение находок этих артефактов соответствует ареалу культуры Уланзурх-Тэвш, что дополнительно подтверждает обоснованность выбора такого названия для стиля. Интересно, что среди этих случайных сборов есть довольно много категорий предметов, выполненных в стилистике Тэвш, но не находящихся точных соответствий в древностях Дуги и Китая (рис. 16) — здесь так украшалось не только оружие, но и другие

изделия. Не исключено, что этот факт может указывать на исходную зону формирования художественного стиля, хотя на данном этапе выступать с таким утверждением не представляется возможным.

Область Дуги, гораздо более богатая находками в комплексах, показывает, что набор оружия в стиле Тэвш и типа, найденного в клада Чаодаогоу, получил распространение преимущественно в северо-восточном и северном районах и практически не представлен в северо-западном (рис. 12). Рассматривая присутствие такого вооружения на территории Великой Китайской равнины, надо отметить, что кинжалы как особая категория оружия вообще не характерны для Шан и были восприняты в Китае позднее от населения Дуги (Ли Ган 2011: 155; Бэйцзинши 1976). Ножи типа Чаодаогоу в могилах Шан достаточно редки, но важно, что они, как правило, связаны с захоронениями, имеющими и другие некоторые признаки иной, не шанской культуры (Linduff 2006).

Комплексы с заколками, аналогичными обнаруженным в погребении Тэвш, нам неизвестны, однако в северной зоне Дуги такие предметы есть среди случайных находок. Заколка, украшенная головой барана в стиле Тэвш, хранится в музее Ордоса (рис. 17), а два

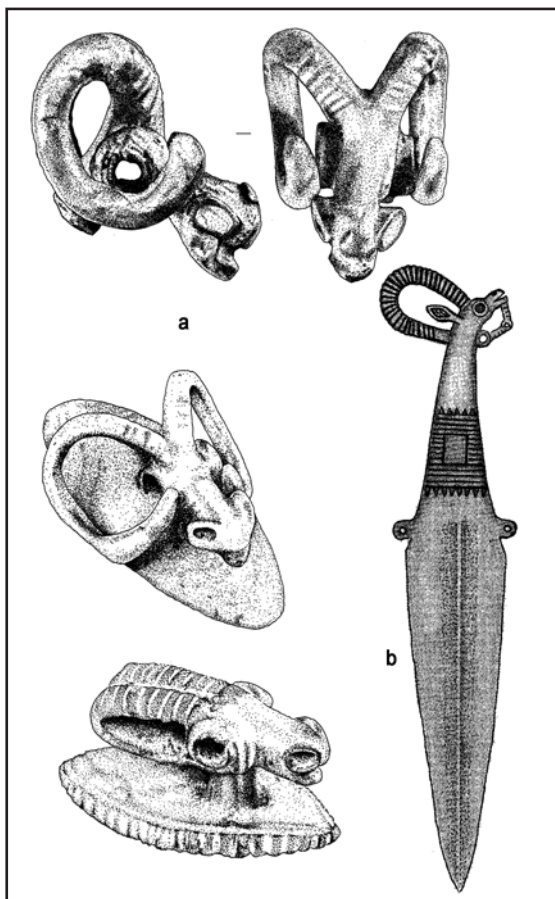

Рис. 16. Случайные находки на территории Монголии: а — бронзовые предметы, выполненные в стиле Тэвш. Из случайных сборов в аймаках Умнеговь и Уверхангай (по Erdenechuluun 2011: рис. 77—79). Рисунки по фотографии выполнены Хуань Лиминем; б — кинжал с навершием рукояти в стиле Тэвш. Аймак Баянхонгор, случайная находка (по Erdenechuluun 2011: рис. 292).

Fig. 16. Chance finds from Mongolia: a — bronze items in Tevsh style from chance finds in Umnugobi and Uvurkhngai provinces (after Erdenechuluun 2011: рис. 77—79). Drawings by L. Huan; b — a dagger with a Tevsh-style animal head, Bayankhongor province (after Erdenechuluun 2011: рис. 292).

предмета, вероятно, такого же назначения, но без зооморфных наверший, происходят из случайных сборов на памятнике Чжукайгоу (рис. 12: 30) в АР Внутренняя Монголия (Нэймэнгу 2000: 123, рис. 88: 1, 2). Шпилька, отдаленно напоминающая такую форму, случайно найдена на северо-востоке, в Вэйфане, в районе Тяньцзиня (Ли Цзинхань, Лян Баолин 1983: 885, рис. 8: 14.). В связи с находками в Чжукайгоу очень показательно, что здесь раскопано несколько погребений, где зафиксировано положение погребенного ничком (Нэймэнгу 2000: 186, рис. 144 — M1044; 213, рис. 175 — M4014). На этом же кладбище исследована известная могила M1040, содержащая шанский клевец гэ, нож с кольцевым на-

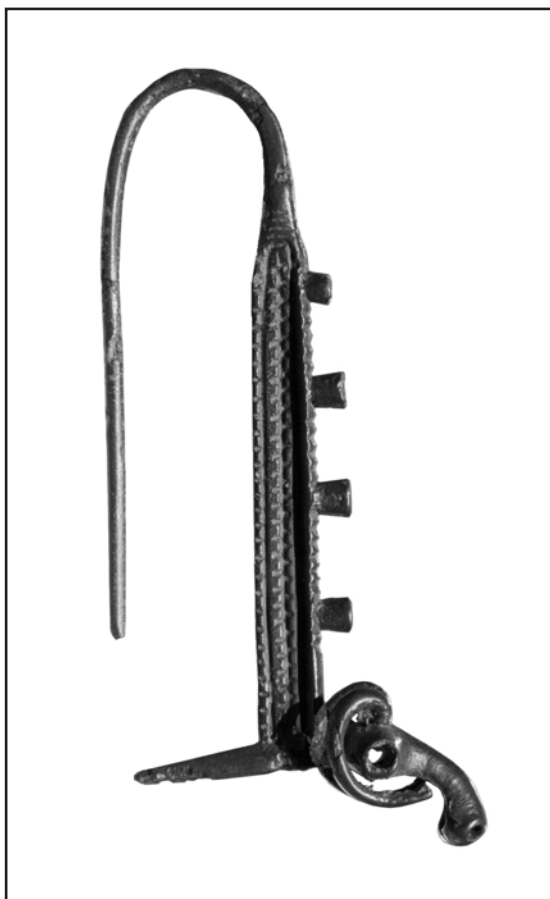

Рис. 17. Бронзовая шпилька, декорированная в стиле Тэвш. Музей Ордоса, Внутренняя Монголия (фото К.В. Чугунова).

Fig. 17. Bronze hairpin decorated in Tevsh style. Ordos Museum, Inner Mongolia (Photo by K. Chugunov).

вершием и кинжал с гардой в виде опущенных шипов с шариками на концах. Клиновое оружие лежало на крупных бляхах *пао*. В этой могиле, частично разрушенной до раскопок, рядом с погребением на спине зафиксированы остатки другого скелета, который, возможно, был положен на животе (Нэймэнгу 2000: 224, рис. 189) (рис. 18: а). Поскольку многие люди, похороненные ничком на этом кладбище, занимали второстепенное положение в могилах, можно предположить, что это жертвенные захоронения (хотя это и не столь очевидно). На взаимодействие обитателей этого региона Дуги с Шан в достаточно ранний период (с XIV в. до н.э.) указывают не только клеветы, но и фрагменты бронзового шанского трипода, найденные в одном из жилищ поселения (Нэймэнгу 2000: 121, рис. 87).

Южнее Чжукайгоу, сравнительно недалеко от ареала Уланзурх-Тэвш, располагается регион, чрезвычайно насыщенный памятниками, который по ряду ярких комплексов

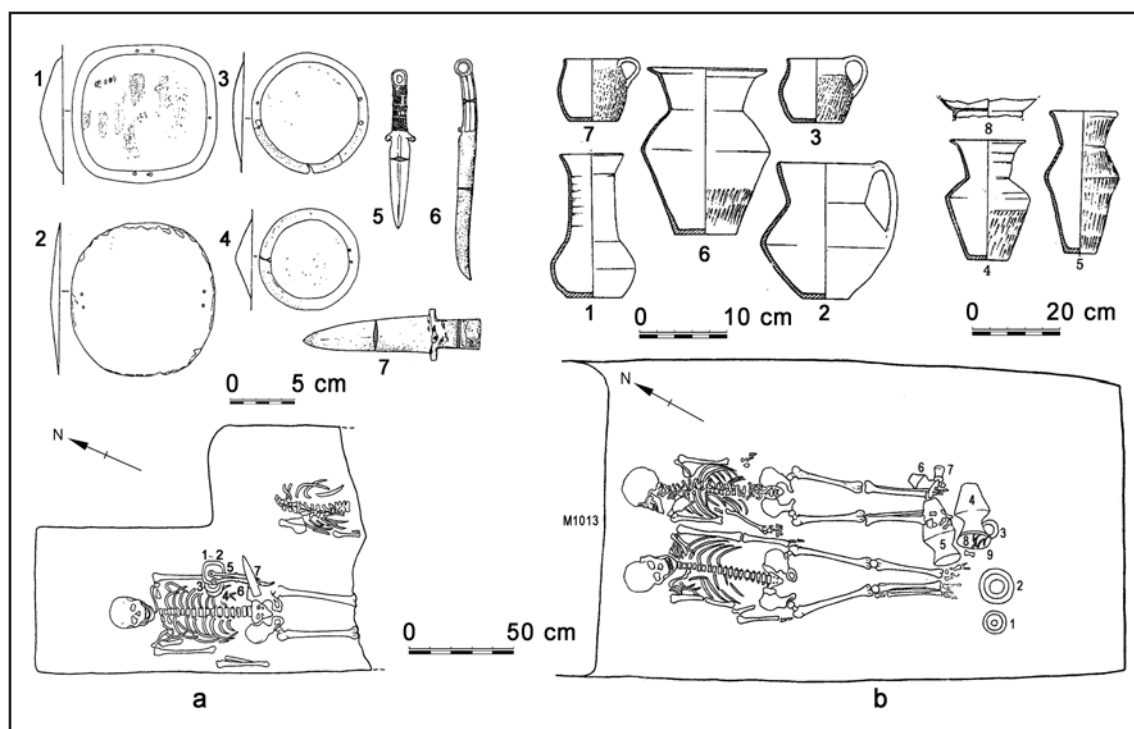

Рис. 18. Могилы с сопроводительными погребениями ничком из Чжукайгоу, Внутренняя Монголия: а — M1040 с инвентарем (по Нэймэнгу 2000: 224, рис. 189); б — M1044 с инвентарем (по Нэймэнгу 2000: 186, рис. 144).

Fig. 18. Examples of prone burials at Zhukaigou, Inner Mongolia: a — M1040 with its artefacts, after Fig. 189 of Neimenggu (2000: 224); b — M1044 with its artefacts, after Fig. 144 of Neimenggu (2000: 186).

можно определить как область Шилоу-Суйдэ (рис. 12). Здесь было обнаружено некоторое количество небольших погребений, раскопки которых не были полностью документированы. Некоторые из них содержали клинковое оружие типа Чаодаогоу и другие изделия, выполненные в стиле Тэвш (рис. 12: 4—8) (Cao Wei 2009; Cao Dazhi 2014). Обнаруженные совместно с ними бронзовые сосуды, которые можно уверенно датировать позднешанским временем, позволяют считать эту область лесового плато ареалом проживания населения, находившегося в тесном контакте с Шан. Анализ химического состава металла бронзового оружия, найденного в регионе Лёссового плато вдоль Хуанхэ, показал достаточно высокое содержание свинца. Это может указывать на то, что вооружение было изготовлено здесь же, возможно, из шанских сосудов, для которых характерна такая рецептура сплава (Cao Dazhi 2014; Pollard et al. 2017).

Юго-западнее области Шилоу, на границе между северной и северо-западной зонами Дуги, исследован могильник Няньцзыпо (рис. 12: 22), где раскопано 136 погребений со скелетами, из которых 64 были уложены лицом вниз, 60 — лицом вверх, а остальные в иных позах (Чжунго 2007b). Важно,

что все могилы содержали единый керамический комплекс, состоящий преимущественно из керамических триподов. Датировка некрополя временем Шан произведена на основании бронзовых сосудов, найденных в ямах на его площади. Чрезвычайно интересно, что среди погребений зафиксированы могильные ямы со специально устроенными выступами в углах (Чжунго 2007b: 254 — M1178; 259 — M129; 262 — M1179; 264 — M1111) (рис. 19). Люди в этих могилах были уложены на живот и ориентированы головой в восточный сектор. Такая необычная конфигурация ям напоминает наземные выкладки в форме распластанной шкуры животного культуры Уланзурх-Тэвш. Еще одна особенность, отмеченная у некоторых могил в Няньцзыпо — вертикальные плиты, установленные в головах и ногах погребенного. Эта деталь ассоциируется с прослеженной А. Ковалевым конструкцией фигурных оград в Монголии — их узкие стороны всегда построены из вертикальных плит (Ковалев, Эрдэнбаатар 2010: 104). В сочетании со специфическим обрядом положения погребенного ничком, такие параллели с устройством конструкций на двух территориях могут означать генетическое родство носителей этих традиций. Соответственно, связь этого регио-

№2. 2020

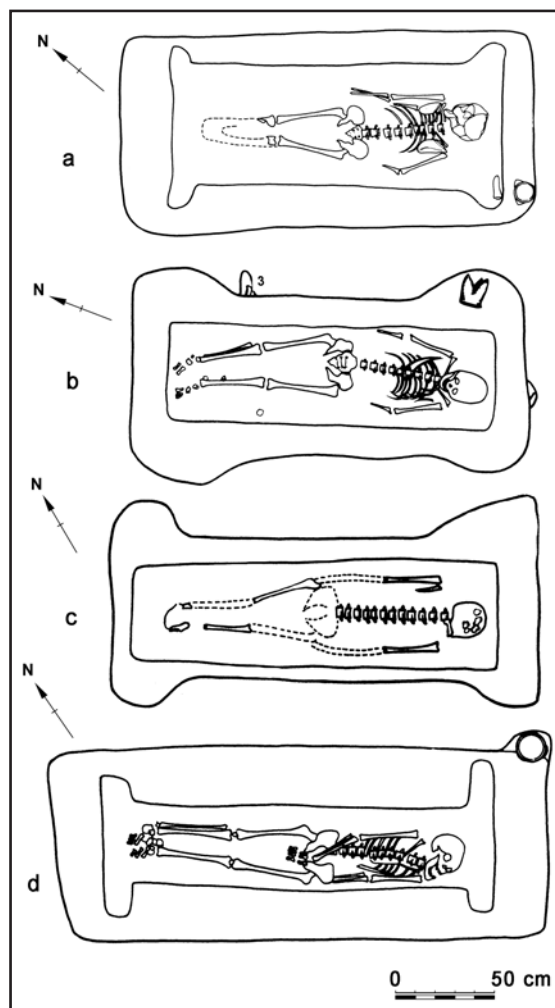

Рис. 19. Планы погребений в Няньцзыпо, пров. Шэньси: а — M1178 (по Чжунго 2007b: 254, рис. 190); б — M129 (по Чжунго 2007b: 259, рис. 196); в — M1179 (по Чжунго 2007b: 262, рис. 201); д — M1111 (по Чжунго 2007b: 264, рис. 206).

Fig. 19. Plans of burials in Nianzipo, Shaanxi province: a — M1178 (after Zhongguo 2007b: 254, Fig. 190); b — M129 (after Zhongguo 2007b: 259, Fig. 196); c — M1179 (after Zhongguo 2007b: 262, Fig. 201); d — M1111 (after Zhongguo (2007b: 264, Fig. 206).

на с ареалом культуры Уланзурх-Тэвш в Южной Монголии весьма вероятно.

Продолжая поиск обряда погребений ничком в других районах, отметим их довольно раннее появление в культуре Цицзя на границе Цинхая и Ганьсу. В могильнике Гаматай (рис. 12: 17) в уезде Гуйнань исследована могила M25, где погребенный уложен лицом вниз (рис. 20: а). Со скелетом найдены три небольшие бронзовые круглые бляшки с петлей-перемычкой на обороте, около колена зафиксирована низка цилиндрических каменных бус, а за головой стояли керамические сосуды культуры Цицзя и лежали раковины каури. Авторы раскопок связывают с этой могилой бронзовое зеркало с литым орнаментом

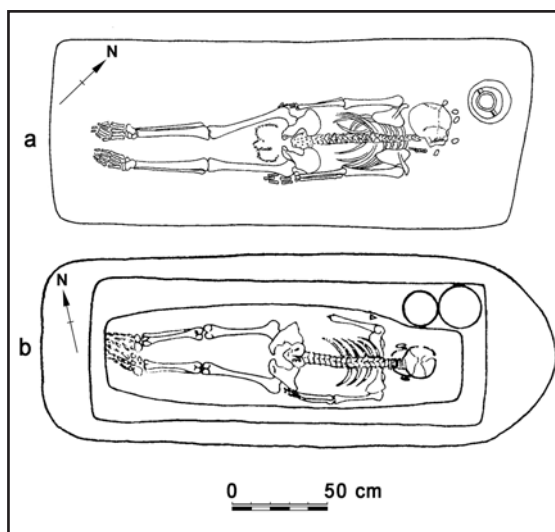

Рис. 20. Планы погребений ничком: а — в северо-западном регионе Дуги, пров. Цинхай, могильник Гаматай, погребение M25 (по Цинхайшэн 2016: 106, рис. 88); б — в северо-восточном регионе Дуги, к югу от гор Яньшань, Чжанцзяюань, погребение 87M3 (по Цзи Леминь, Чжан Цзюньшэн 1993: рис. 12).

Fig. 20. Plans of prone burials: a — in the northwest region of the Arch, tomb M25 of Gamatai, Qinghai province (after Qinghaisheng 2016: 106, Fig. 88); b — in the northeast region of the Arch, to the south of Yan mountains, tomb 87M3 of Zhangjiayuan (after Ji and Zhang 1993: Fig. 12).

в виде шестилучевой звезды, но оно найдено выше и контекст его неясен (Цинхайшэн 2016: 106, рис. 88; 130, рис. 116). В Цинхэе такие могилы очень немногочисленны и могут указывать на какие-то ранние связи этого отдаленного северо-западного региона со степями Монголии⁴. Коммуникация из горного региона Северного Цинхая с южными районами Монголии могла осуществляться по довольно удобным проходам, например, по реке Хэйшуй (Эдзин-Гол), выводящей в степные пространства западнее Гоби.

Казалось бы, в северо-восточной зоне Дуги, непосредственно примыкающей к региону Шан, следовало бы ожидать наибольшего сосредоточения находок искомого стиля. Однако здесь известно пока лишь несколько местонахождений предметов, выполненных в стилистике Тэвш. Контакт с Шан замечен на памятнике Пингусянь возле Пекина. Здесь некоторые ранние шанские сосуды были погребены с золотыми украшениями, типичными для северной зоны, включая золотые

⁴ В связи с этим необходимо отметить, что этот регион рассматривается А.А. Ковалёвым (2001), как территория, где происходило формирование выделяемой им культуры оленных камней Монголии. Эта гипотеза, безусловно, заслуживает внимания, но требует дополнительной разработки.

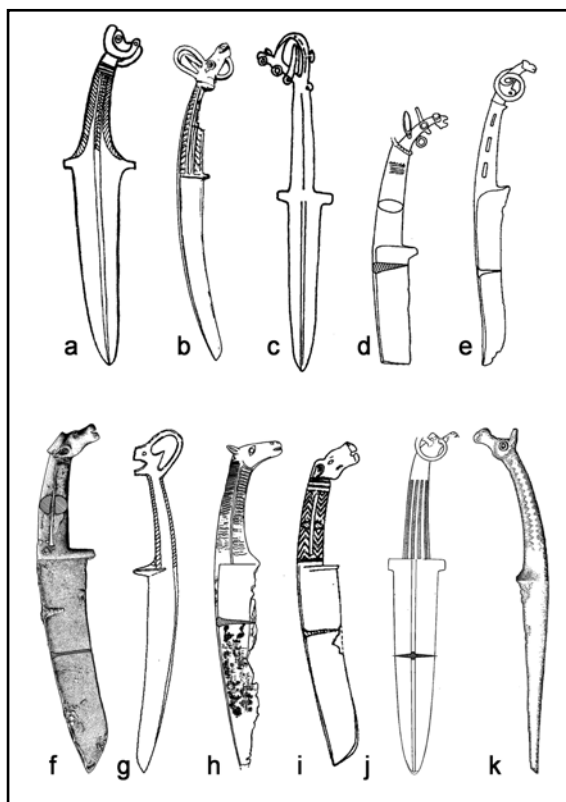

Рис. 21. Ножи и кинжалы с навершиями рукоятей в стиле Тэвш и подражанием ему. Из области Дуги: а — кинжал из Чаодаогоу, пров. Хэбэй, клад (по Варенов 1996: 307, рис. 1: 3); б — нож из Суйдэ, пров. Шэньси (по Чжу Фэнхань 2009: 1101, рис. 10.149: 5); в — кинжал из Чжанцзякоу, пров. Хэбэй (по Ли Ган 2011: 48, рис. 3: 1—4); д — нож из Ванью, пров. Ляонин (по Уэнь Юэсыту 2008: 33, рис. 14); е — нож из Цзиньцзецунь, пров. Шаньси (по Ли Ган 2011: 155, рис. 4: 1—10); Из шанских погребений: ф — нож с навершием в виде лошадиной головы из погребения с колесницами в северной части дер. Сяотунь в Аньяне (по Ши Чжанжу 1970b: вкл. 136); г — нож из могилы Фу Хао (M5) в дер. Сяотунь в Аньяне (по Ли Ган 2011: 155, рис. 4: 1—10); h — нож из погребения M54 в дер. Хуаюаньчжуан в Аньяне (по Чжунго 2007a: 166, рис. 126); i — нож из H181 в дер. Сяотунь в Аньяне (по Уэнь Юэсыту 2007: 135, рис. 36: 5); j — кинжал из Цяньчжанда (по Чжунго 2005: 339, рис. 246); k — нож из памятника Сибэйган T1537 в Аньяне (по Цай Мэйфэн и др. 2012: 219), рис. Джона Роусона.

Fig. 21. Knives and daggers with Tévsh-style decorations and imitations: a — e from the Arc region; f — k from Shang tombs; a — dagger from the Chaodaogou hoard, Hebei province (after Varonov 1996: 307, fig. 1: 3); b — knife from Suide, Shaanxi province (after Zhu 2009: 1101, Fig. 10.149: 5); c — knife from Zhangjiakou in Hebei province (after Li 2011: 48, Fig. 3: 1—4); d — knife from Wanliu in Liaoning province (after Wu'en 2008: 33, Fig. 14); e — knife from Jinjiecun in Shanxi province (after Li 2011: 155, Fig. 4: 1—10); f — knife with horse head from a chariot burial at the central area of Anyang Xiaotun (after Shi 1970b: Pl. 136); g — knife from the tomb of Fuhao at Anyang Xiaotun M5 (after Li 2011: 155, Fig. 4: 1—10); h — knife from M54 of Anyang Huayuanzhuang (after Zhongguo 2007a: 166, Fig. 126); i — knife from H181 of Anyang Xiaotun (after Wu'en 2007: 135, Fig. 36: 5); j — dagger from Qianzhangda (after Zhongguo 2005: 339, Fig. 246); k — knife from Anyang Xibeigang T1537 (after Cai, Zhu and Chen 2012: 219), drawn by John Rawson.

кольца со сплюснутыми концами и шпильку (Юань Цзиньцзин, Чжан Сяньдэ 1977: 6, рис. 13; 17). Самая важная находка на северо-востоке, в области к югу от гор Яньшань, — описанный выше клад у деревни Чаодаогоу (рис. 15). Уэнь Юэсыту предложил называть культуру, к которой мог относиться этот клад, культурой Вэйфан, датировав ее поздним периодом Шан (Уэнь Юэсыту 2007: 117—141). Другие исследователи выделили последующую фазу, культуру Чжанцзяюань, датировав ее от конца Шан до раннего Чжоу (Ван Фэн 1990: 57—58; Цзи Леминь, Чжан Цзюньшэн 1993; Ли Цзинхань, Лян Баолин 1983). Известные находки из Байфу близ Пекина также могут относиться к этой более поздней стадии (Бэйцзинши 1976). Захоронений ничком в северо-восточной зоне известно немного. Одно из них, исследованное в Чжанцзяюане, является относительно поздним (рис. 20: b). Похороненный в нем человек сопровождался двумя бронзовыми сосудами из Великой Китайской равнины, каменным клевцом и золотым украшением (Цзи Леминь, Чжан Цзюньшэн 1993: 321, рис. 12, 13).

В области севернее гор Яньшань, на территории современной провинции Ляонин, в рассматриваемый период обитали племена, оставившие культурные типы Гаотайшань и Вэйинцзы (рис. 12). Генетически они восходят к культуре Нижнего слоя Сяцзядянь (2000—1500 гг. до н.э.).

Ареалы этих культурных типов локализованы на севере и востоке провинции Ляонин. Они выделяются из массива более известных памятников культуры Верхнего слоя Сяцзядянь на основании анализа керамического комплекса, включающего триподы *ли*, иногда украшенные валиковым орнаментом. Дун Синьлинь (2000) предполагает связь валиковой керамики с комплексом Чжукайгоу и памятником Лицзяя у р. Хуанхэ (Нэймэнгу 2000: 54; Шэньсишэн 2013: цв. вкл. 20: 5), то есть, с северной зоной Дуги.

Материальный комплекс Вэйинцзы включает некоторые типы ножей, которые можно увидеть в северной зоне (Уэнь Юэсыту 2007: 104, рис. 49). Места находок оружия с навершиями в виде животных широко разбросаны по карте региона (рис. 12). Другие изделия из бронзы представлены черешковыми кинжалами со скрипковидными клинками (корейского типа), ножами с выделенной зубчатой рукоятью, втульчатыми топорами с прямоугольным плоским обушком, зеркалами с центральной петлей и орнаментом по краю диска. Встречен нож с навершием в виде кольца с тремя кнопками и шипом-гардой и проу-

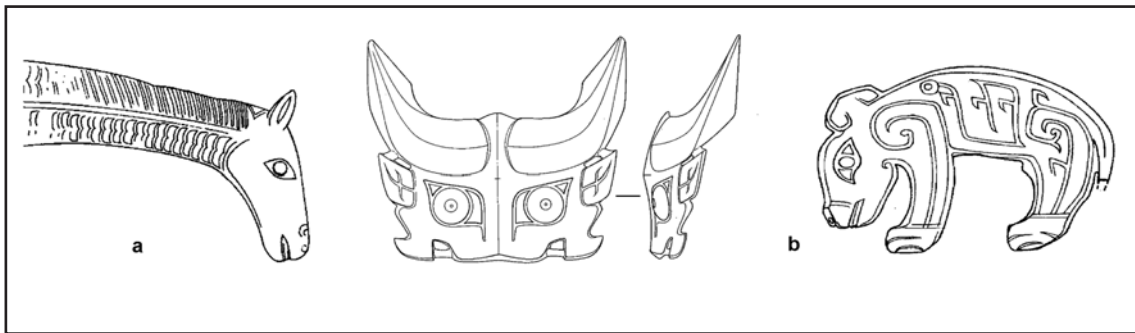

Рис. 22. Сопоставление типичного для шанских изделий стиля изображения глаз и трактовки глаз на навершии ножа из погребения Хуаюаньчжуан М54 в Аньяне (см. рис. 9): а — рукоять ножа с навершием в виде головы лошади, погребение Хуаюаньчжуан М54 в Аньяне (по Чжунго 2007а: 166, рис. 126); б — нефритовая пластина в виде медведя из погребения Хуаюаньчжуан М54 в Аньяне (по Чжунго 2007а: 201, рис. 144); в — украшение на шлеме, из погребения М222 в Цяньчжанда (по Чжунго 2005: 323, рис. 232).

Fig. 22. Comparisons of eye forms customarily used by the Shang with the horse-headed knife from Anyang Huayuanzhuang M54 (cf. Fig. 9): а — detail of the knife with horse head, from M54 of Anyang Huayuanzhuang (after Zhongguo 2007a: 166, Fig. 126); б — jade bear from tomb M54 at Anyang Huayuanzhuang (after Zhongguo 2007a: 201, Fig. 144); в — animal face on a helmet, from M222 at Qianzhangda (Zhongguo 2005: 323, Fig. 232).

шной плоский клевец (Дун Синьлинь 2000: 15, рис. 8: 16). Из украшений обнаружены серьги из золота в виде колец в полтора оборота с плоским расширенным окончанием, как в Пингусяне и Чжанцзяюане. Важна находка прямоугольной пластины с шипами, возможно, накладки на псалий (Дун Синьлинь 2000: 15, рис. 8: 8).

К сожалению, радиоуглеродных датировок для памятников этих культур нет. Дата культуры Гаотайшань устанавливается по ранним формам триподов с вытянутыми пропорциями и топору с грибовидным обухом, имеющим аналоги в Сяотуне (Хэ Сянью и др. 1989: 1085, рис. 13; Чжу Фэнхань 2013: 16, рис. 9). Датировка культуры Вэйинцзы предложена на основании типологии керамики и связей с западными (Чжукайгоу) и юго-западными (Байфу) по отношению к ее ареалу областями. Она определена XI в. до н.э., однако следует заметить, что известный комплекс из Байфу, безусловно, должен быть датирован уже периодом Западного Чжоу (не ранее X в. до н.э.) и он не мог влиять на формирование культуры Вэйинцзы (Бэйцзинши 1976; Linduff et al. 2017: 91—95). Представленное в нем вооружение, сходное с происходящим из клада в Чаодаогоу, показывает поздний этап распространения этого типа оружия. Этот этап продолжается в культуре Верхнего слоя Сяцзядянь, наиболее яркие комплексы которой, Наньшаньгэн и Сяохэйшигоу (Лю Гуаньминь, Сюй Гуанци 1975), датируются по бронзовым сосудам не ранее 850 г. до н.э. (Linduff et al. 2017: fig. 3: 16), так как многие из них изготовлены после западночжоуской

ритуальной реформы, выделенной на основе анализа комплексов ритуальных бронзовых сосудов (Rawson 1999: 433—440). Представляется, что в формировании культурного комплекса населения, оставившего памятники Вэйинцзы, должен был участвовать северо-восточный компонент (со стороны Кореи), который выражен в распространении здесь скрипковидных кинжалов.

Таким образом, несмотря на находки предметов вооружения в стиле Тэвш в северо-восточной зоне Дути, вероятнее предполагать, что они появились здесь позднее, чем во второй зоне. Если мы примем во внимание отсутствие здесь бронзовых изделий аньянского типа, представленных в области Шилоу-Суйдэ, то можно заключить, что в шанский период контакты с регионом к северу от гор Яньшань были минимальными. Вероятно, это также объясняет отсутствие в этом регионе захоронений ничком.

Изделия в стилистике Тэвш найдены на Великой Китайской равнине в основном в шанских захоронениях (Хань Цзиньцзо 2015: 31, рис. 1: 8). Многие из них, хотя и имеют все признаки соответствующего стиля, вероятно, являются копиями, выполненными в Шан, или даже моделями, изготовленными специально для погребения (рис. 21). Например, нож с головой лошади из рассмотренной выше могилы М54 безусловно изготовлен шанским мастером-литейщиком, так как глаза животного показаны в характерной для стилистики Шан манере (рис. 22).

Пути распространения бронзовых изделий северных типов на Великой Китайской равнине исследованы Цао Дажи (Cao Dazhi 2014:

252—259, fig. 4: 9), который предположил, что в период Шан они поступали из района Лёссового плато в Аньян по маршруту, отмеченному небольшими шанскими поселениями (рис. 12: 21, 25) (Cao Dazhi 2014: 164—167, fig. 4: 9). Как показывает рассмотрение культурной среды в северной зоне Дуги, вероятно, именно эта территория представляла для Шан наибольший интерес. Возможно, именно отсюда на Центральные равнины поступали лошади (Cao Dazhi 2014: 201—205). Здесь отчетливо фиксируется наличие несомненных связей с Южной Монголией, что выражается в особенностях погребального обряда могильника Няньцзыпо и отдельных погребениях ничком в Чжукайгоу. Важно, что только в этом регионе Дуги памятники с погребениями на животе совпадают с распространением бронзовых изделий в стиле Тэвш.

Не менее важно для рассматриваемой темы отсутствие каких-либо следов указанных культурных признаков в северо-западной зоне Дуги, за исключением редких случайных находок (Cao Dazhi 2014: 418, fig. 5.13: 2, 3). В коридоре Ганьсу в исследуемый период обитали племена, практиковавшие погребальный обряд в скорченной позе и положение на спине. Они, безусловно, были связаны с территорией Степи, но участвовали в контактах с юго-западными территориями на ином уровне. Степень этого участия определить сложно, и это не входит в задачу нашей работы.

Присутствие погребений ничком в регионе Цинхя в данном случае может отражать независимые от Шан контакты с территорией Монголии. Вероятно, именно через Цинхай могли проникать предметы в стиле Тэвш в Синьцзян, где известны самые западные их находки (Cao Dazhi 2014: 418).

Таким образом, культура Уланзурх-Тэвш в Южной Монголии, благодаря особенностям погребального обряда, может являться источником степного культурного компонента, появившегося на территории Шан. Широкий ареал распространения памятников специфической формы, включая южные и восточные аймаки Монголии, практически доходит до северной части изгиба Хуанхэ в отрогах гор Иньшань. Не исключено, что дальнейшие исследования смогут показать локально-хронологическую дифференциацию внутри культуры на этой огромной территории, но представляется несомненным, что носители ее были чрезвычайно мобильны и легко перемещались на значительные расстояния. Отметим, что влияние этой культуры фиксируется севернее, на территории Забайкалья и северо-восточной Монголии, где

известны фигурные плиточные могилы, напоминающие наземные выкладки в форме распластанной шкуры⁵ (Цыбиктаров 1998: 126—128, рис. 2).

Представляется чрезвычайно важным несоответствие ареала культуры Уланзурх-Тэвш с основной территорией распространения оленных камней монголо-забайкальского типа (рис. 12). Несмотря на высказанное исследователями мнение о более поздней датировке монгольских стел (Волков 2002: 22; Ковалев, Эрдэнэбаатар 2007: 103; Савинов 1994: 98), это может означать, что в Центральной и Западной Монголии одновременно с культурой Уланзурх-Тэвш существовала иная культура, которая оставила эти монументы. Отмеченные многими исследователями изображения на некоторых оленных камнях предметов оружия, напоминающих изделия в стиле Тэвш (Савинов 1994: 97—99; Волков 2002: 21; Уэнь Юэсыгу 2008: 60, рис. 39; Cao Dazhi 2014: fig. 5.8), вероятно, являются результатом контактов населения двух соседних регионов. Эта важная и очень большая тема, касающаяся хронологии оленных камней монголо-забайкальского типа, выходит за рамки нашего исследования и должна быть рассмотрена отдельно.

Итак, анализ особенностей погребального обряда и некоторых категорий материального комплекса памятников времени Шан, исследованных на Великой Китайской равнине, в трех областях Дуги и в прилегающих к ней регионах Степи, позволяет прийти к следующим заключениям:

- Для понимания Шан и определения культурных контактов этого сложно стратифицированного общества важнейшее значение имеют ритуальные практики, включающие захоронения с исключительно большим количеством жертвенных и сопутствующих погребений. Важно, что такие ритуалы не обнаружены среди ранних неолитических групп на Великой Китайской равнине и в Дуге, а также не фиксируются в более поздний период Западного Чжоу.

- Значительное количество погребений ничком в жертвенных ямах и в отдельных мо-

⁵ Большинство российских археологов рассматривают захоронения в могилах под фигурными выкладками в составе культуры плиточных могил (краткий обзор мнений и литературу см.: Цыбиктаров 1998: 126). Однако дифференциация погребальных поз, зафиксированная в таких захоронениях, показывает, что погребения ничком присущи именно ареалу Южной Монголии, в то время как для Забайкалья характерно положение на спине (4 случая) и на боку с согнутыми ногами (1 случай).

№2. 2020

гилах указывает на то, что, начиная с XIII в. до н.э., в социальную структуру Шан было инкорпорировано население северной зоны Дуги, обладавшее отличной от шанской элиты идентичностью. Большое число погребений ничком представляется новым для региона Великой Китайской равнины явлением: как по количеству погребенных, так и по форме трупоположения.

• В свою очередь, это население было тесно связано (возможно, по происхождению) с регионом Южной Монголии, а также современной Внутренней Монголии, где в это время практиковался погребальный обряд с положением на животе под каменными выкладками специфической формы (культура Уланзурх-Тэвш).

• Это население, привлеченное в Шан как воинский контингент, — прежде всего, для управления колесницами — принесло на территорию Центральных равнин особый комплекс вооружения, воспринятый и модифицированный в шанской культурной среде. Ору-

жие этого типа было воспринято и другими народами Дуги, которые могли играть роль посредников между монгольской степью и Великой Китайской равниной.

• После крушения Шан, в начале Западного Чжоу, фиксируется практически полное исчезновение погребального положения лицом вниз. Хотя ритуал Западного Чжоу и наследует шанские традиции, в целом сильно от этих традиций отличается. Это позволяет предполагать смену культурных доминант в среде нового населения Великой Китайской равнины. Не исключено, что носители степных традиций, находившиеся в тесном контакте с Шан, с началом правления Чжоу вернулись в Монголию, где сооружения с захоронениями ничком имеют верхнюю датировку X в. до н.э. Возможно, именно это население продолжало транслировать традиции стиля Тэвш в другие регионы Степи и Дуги, и эти традиции в трансформированном виде сохранились там вплоть до начала сложения кочевых культур скифского типа.

Литература

- Варенов А.В. 1999. Чаодаогоу и Янхэ — памятники эпохи Шан-Инь с ордосскими бронзами. В: Деревянко А.П., Молодин В.И. (отв. ред.). *ПАЭАССТ V. Материалы VII годовой итоговой сессии Института археологии, этнографии и антропологии СО РАН*. Декабрь 1999 г. Новосибирск, 306—311.
- Волков В.В. 1972. Раскопки в Монголии. *АО 1971 года*. Москва: Наука, 554—556.
- Волков В.В. 2002. *Оленные камни Монголии*. Москва: Научный мир.
- Деоппик Д.В., Ульянов М.Ю., Аникушина Е.С. 2016. Историко-археологическая характеристика столбчатого центра Шан. В: Тихвинский Л.С. (общ. ред.), Деревянко А.П. (ред. тома). *История Китая с древнейших времен до начала XX века 1. Древнейшая и древняя история (по археологическим данным). От палеолита до V в. до н.э.* Москва: Наука, 547—601.
- Ковалёв А.А., Эрдэнэбаатар Д. 2007. Две традиции использования оленных камней Монголии. В: Тишкин А.А. (ред.). *Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии*. Труды САИПИ 3. Барнаул, 99—105.
- Ковалёв А.А., Эрдэнэбаатар Д. 2010. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции. В: Цыбиктаров А.Д. (ред.). *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. Материалы междунар. науч. конференции (Улан-Удэ, 20—24 сентября 2010 г.). Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 104—117.
- Кузнецова-Фетисова М.Е. 2015. «Великий город Шан» (XIV—XI вв. до н.э.). Москва: Восточная литература.
- Кузьмина Е.Е. 1994. *Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев*. Москва: МГП «Калина».
- Ма Цзянь. 2015. Археологическая разведка и изучение плиточных могил в горах Иньшаня. В: Цыбиктаров А.Д. (ред.). *Древние культуры Северного Китая, Монголии и Байкальской Сибири 1. Материалы VI Международной науч. конф. в Хухото*. Хух-Хото, 278—286.
- Новгородова Э.А. 1989. *Древняя Монголия*. Москва: Наука.
- Савинов Д.Г. 1994. *Оленные камни в культуре кочевников Евразии*. Санкт-Петербург: СПбГУ.
- Цыбиктаров А.Д. 1998. *Культура плиточных могил Монголии и Байкальской Сибири*. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет.
- Яблонский Л.Т. (ред.). 2011. *Естественно-научные методы в изучении Филипповского 1 могильника*. Москва: ИА РАН.
- Бэйцзинши 1976: Бэйцзинши вэньу гуаньличу. 1976. 北京地区的又一重要考古收获——昌平白浮西周木椁墓的新启示 (Важная археологическая находка в районе Пекина: новые сведения о погребениях с деревянными саркофагами периода Западного Чжоу в местности Байфу в Чанпине). *Каогу* (4), 246—258 (на кит. яз.).
- Ван Фэн. 1990. 河北兴隆县发现商周青铜器窖藏 (Клад бронзовых изделий периода Шан-Чжоу, обнаруженный в уезде Синлунсянь в пров. Хэбэй). *Вэньу* (11), 57—58 (на кит. яз.).
- Го Баоцзюнь. 1951. 一九五〇年春殷墟发掘报告 (Отчет о раскопках в Иньшане весной 1950 г.). *Каогу сюэбао* (5), 1—61 (на кит. яз.).
- Дун Синьлинь. 2000. 魏营子文化初步研究 (Предварительное исследование культуры Вэйинцзы). *Каогу сюэбао* (1), 1—30 (на кит. яз.).
- Ли Ган. 2011. 中国北方青铜器的欧亚草原文化因素 (Элементы из степных культур Евразии в бронзовых сосудах северного Китая). Пекин (на кит. яз.).
- Ли Цзинхань, Лян Баолин. 1983. 天津蓟县围坊遗址发掘报告 (Отчет о раскопках на памятнике Вэйфан в уезде Цзисянь в Тяньцзине). *Каогу* (10), 877—893 (на кит. яз.).
- Линь Юнь. 2015. 鹿首乎? 羊首乎? (Оленьи головы? Овечьи головы?) В: 中国北方及蒙古、贝加尔、西伯利亚地区古代文化 (Древние культуры севера Китая, Монголии, Байкала и Сибири) 1. Пекин, 131—140 (на кит. яз.).
- Ло Кунь. 1991. 殷商时期的羌与羌方 (Цянь и цянфан в период Шан-Инь). В: Ван Юйсинь (ред.). 甲骨与殷商史 (Надписи на гадательных костях и история периода Инь-Шан) 3. Шанхай,

- 405—426 (на кит. яз.).
- Лю Гуаньминь, Сюй Гуанцзи. 1975. 宁城南山根遗址发掘报告 (Отчет о раскопках на памятнике Наньшаньгэнь в Нинчэне). *Каогу сюэбао* (1), 117—140 (на кит. яз.).
- Лян Сыон, Гао Цюйсюнь. 1962a. 侯家莊: 河南安陽侯家莊殷代墓地. 第2本, 1001號大墓 (Могилиник Хоуцзячжусан иньского периода в Аньяне, пров. Хэнань 2. Крупное погребение M1001) 1. Тайбэй (на кит. яз.).
- Лян Сыон, Гао Цюйсюнь. 1962b. 侯家莊: 河南安陽侯家莊殷代墓地. 第2本, 1001號大墓 (Могилиник Хоуцзячжусан иньского периода в Аньяне, пров. Хэнань 2. Крупное погребение M1001) 2. Тайбэй (на кит. яз.).
- Ма Цзянь. 2015. 内蒙古阴山地区早期石板墓的初步调查与研究 (Предварительное исследование могил с каменными плитами раннего периода в местности Иньшань во Внутренней Монголии). В: 中国北方及蒙古、贝加尔、西伯利亚地区古代文 (Древние культуры севера Китая, Монголии, Байкала и Сибири) 1. Пекин, 278—286 (на кит. яз.).
- Мэн Сяньу. 1992. 谈殷墟俯身葬 (К вопросу о погребениях с положением на животе в Иньсюе). *Чжунъюань вэньу* (3), 52—55 (на кит. яз.).
- Нэймэнгу 2000: Нэймэнгу цзычжицхой вэньу каогу яньцзюсо. 2000. В: 朱开沟: 青铜时代早期遗址发掘报告 (Чжужаигу: отчет о раскопках на памятнике эпохи ранней бронзы). Пекин (на кит. яз.).
- Нэймэнгу 2009: Нэймэнгу цзычжицхой вэньу каогу яньцзюсо, Нинчэнсянь Ляо Чжунцзин боугуань. 2009. 小黑石沟: 夏家店上层文化遗址发掘报告 (Сяохэйшигу: отчет о раскопках на памятнике культуры верхнего слоя Сяцзядянь). Пекин (на кит. яз.).
- Тун Эньчжэн. 1987. 试论我国从东北至西南的边地半月形文化传播带 (О поясе диссимилиации культур в форме полумесяца, простирающемся с северо-востока до окраинных районов юго-запада Китая). В: 古代文明 (Древняя цивилизация). Пекин, 17—43 (на кит. яз.).
- Уэнь Юэсыгу. 2007. 北方草原考古学文化研究: 青铜时代至早期铁器时代 (Исследование археологических культур северной степи: от бронзового века до раннего железного века). Пекин (на кит. яз.).
- Уэнь Юэсыгу. 2008. 北方草原考古学文化比较研究: 青铜时代至早期匈奴时期 (Сравнительное исследование археологических культур северной степи: от бронзового века до раннего периода сюнну). Пекин (на кит. яз.).
- Хань Цзиньцю. 2015. 夏商西周中原的北方系青铜器研究 (Исследование бронзовых предметов северного типа на Великой Китайской равнине в периоды Ся, Шан и Западное Чжоу). Шанхай (на кит. яз.).
- Хэ Сяньу и др. 1989: Хэ Сяньу, Чжэн Чэнь, Чжао Чанлинь, Цао Гуйлинь. 1989. 辽宁法库县湾柳遗址发掘 (Раскопки памятника Ванью в уезде Факу в пров. Ляонин). *Каогу* (12), 1076—1086 (на кит. яз.).
- Хэбэйшэн 1985: Хэбэйшэн вэньу яньцзюсо. 1985. 藁城台西商代遗址 (Памятник шанского периода Тайси в Гаочэне). Пекин (на кит. яз.).
- Ху Цзяцзя. 2016. 试论商文化俯身葬 (Предварительное исследование погребального обряда с положением на животе в шанский период). Маг. дисс. Пекин: Центральный университет национальностей (на кит. яз.).
- Хуан Чжаньюэ. 2004. 古代人牲人殉通论 (Обзорное исследование человеческих сопребений в древности). Пекин (на кит. яз.).
- Цай Мэйфэн и др. 2012: Цай Мэйфэн, Чжу Найчэн, Чэнь Гуанцзу (ред.). 2012. 商王武丁與后婦好: 殷商盛世文化藝術特展 (Шанский ван У Дин и Фу Хао: специальная выставка периода искусства Инь-Шан периода расцвета). Тайбэй (на кит. яз.).
- Цзи Леминь, Чжан Цзюньшэн. 1993. 天津蓟县张家园遗址第三次发掘 (Третья серия раскопок на памятнике Чжанцзюань в уезде Цзисянь в Тяньцзиньне). *Каогу* (4), 311—323 (на кит. яз.).
- Цинхайшэн 2016: Цинхайшэн вэньу каогу яньцзюсо, Бэйцзин дасюэ каогу вэньбо сюэюань. 2016. 贵南尕马台 (Памятник Гаматай в уезде Гуйнань). Пекин: Кэсюэ чубаньше (на кит. яз.).
- Чжан Миндун. 2011. 略论商周俯身葬及其相关问题 (О погребениях с положением на животе в период Шан-Чжоу и связанных с этим вопросах). *Чжунго гоцзя боугуань гуанькань* (3), 116—122 (на кит. яз.).
- Чжу Фэнхань. 2009. 中国青铜器综论 (Обзорное исследование китайских бронзовых сосудов) 2. Шанхай (на кит. яз.).
- Чжу Фэнхань. 2013. 由殷墟出土北方方式青铜器看商人与北方族群的联系 (О связях шанцев с северными племенами в контексте бронзовых сосудов северного типа, обнаруженных в Иньсюе). *Каогу сюэбао* (1), 1—28 (на кит. яз.).
- Чжунго 1977: Чжунго кэсюэюань каогу яньцзюсо Аньян гунцзодуй. 1977. 安阳殷墟奴隶祭祀坑的发掘 (Раскопки жертвенных погребений рабов на памятнике Иньской в Аньяне). *Каогу* (1), 20—36 (на кит. яз.).
- Чжунго 1980: Чжунго шэхуэй кэсюэюань каогу яньцзюсо. 1980. 殷墟妇好墓 (Могила Фу Хао в Иньсюе). Пекин (на кит. яз.).
- Чжунго 2003: Чжунго шэхуэй кэсюэюань каогу яньцзюсо. 2003. 中国考古学: 夏商卷 (Археология Китая. Периоды Ся и Шан). Пекин (на кит. яз.).
- Чжунго 2005: Чжунго шэхуэй кэсюэюань каогу яньцзюсо. 2005. 滕州前掌大墓地 (Могилиник Цяньчжанда в Тэнчжоу) 1. Пекин (на кит. яз.).
- Чжунго 2007a: Чжунго шэхуэй кэсюэюань каогу яньцзюсо. 2007a. 安阳殷墟花园庄东地商代墓葬 (Погребение шанского периода в восточной части дер. Хуаюаньжусан на памятнике Иньской в Аньяне). Пекин (на кит. яз.).
- Чжунго 2007b: Чжунго шэхуэй кэсюэюань каогу яньцзюсо. 2007b. 南邳州碾子坡 (Памятник Наньбиньчжоу-Няньцзыпо). Пекин (на кит. яз.).
- Чжунго 2014: Чжунго шэхуэй кэсюэюань каогу яньцзюсо. 2014. 安阳大司空: 2004年发掘报告 (Памятник Дасыкун в Аньяне: отчет о раскопках в 2004 г.) 1. Пекин (на кит. яз.).
- Чжэн Шаоцзун. 1962. 河北青龙县抄道沟发现一批青铜器 (Группа бронзовых изделий, обнаруженных в Чаодаогоу в уезде Цинлунсянь в пров. Хэбэй). *Каогу* (12), 644—645 (на кит. яз.).
- Чжэн Чжэньсян. 1981. 安阳小屯村北的两座殷代墓 (Два погребения иньской эпохи в северной части деревни Сяотунь в Аньяне). *Каогу сюэбао* (4), 491—518 (на кит. яз.).
- Чжэн Чжэньсян. 2001. 河南安阳殷墟大型建筑基址的发掘 (Раскопки остатков крупных фундаментов зданий, обнаруженных на памятнике Иньской в Аньяне, пров. Хэнань). *Каогу* (5), 18—26 (на кит. яз.).
- Чэнь Хунхай. 2003. 甘青地区史前墓葬中的葬式分析 (Анализ погребального обряда в доисторических погребениях региона Ганьсу-Цинхай). В: 古代文明 (Древняя цивилизация) 2. Пекин, 138—153 (на кит. яз.).
- Чэнь Чжида. 1987. 安阳小屯殷代宫殿宗庙遗址探讨 (К вопросу о храмовых комплексах иньского периода в дер. Сяотунь в Аньяне) 10. Пекин, 68—79 (на кит. яз.).
- Ши Чжанжу. 1970a. 小屯第一本: 遗址的发现与发掘 · 丙编: 殷墟墓葬之一 (北组墓葬) (Сяотунь, т. 1: обнаружение и раскопки памятника. Сб. 3: Первая часть погребений в Иньсюе [северная группа]) 1. Тайбэй (на кит. яз.).
- Ши Чжанжу. 1970b. 小屯第一本: 遗址的发现与发掘 · 丙编: 殷墟墓葬之一 (北组墓葬) (Сяотунь, т. 1: обнаружение и раскопки памятника. Сб. 3: Первая часть погребений в Иньсюе [северная группа]) 2. Тайбэй (на кит. яз.).
- Ши Чжанжу. 1972. 小屯第一本: 遗址的发现与发掘 · 丙编: 殷墟墓葬之二 (中组墓葬) (Сяотунь, т. 1: обнаружение и раскопки памятника. Сб. 3: Вто-

№2. 2020

- рая часть погребений в Иньсюе [центральная группа]). Тайбэй (на кит. яз.).
- Ши Чжанжу. 1973. 小屯第一本: 遺址的發現與發掘・丙編: 殷墟墓葬之三 (南組墓葬, 附北組墓葬補遺) (Сяотунь, т. 1: обнаружение и раскопки памятника. Сб. 3: Третья часть погребений в Иньсюе [южная группа, с приложением дополнительных материалов по северной группе]). Тайбэй: (на кит. яз.).
- Шэньсишэн 2013: Шэньсишэн каогу яньцзюань. 2013. 李家崖 (Памятник Лицзяя). Пекин (на кит. яз.).
- Юань Цзиньцзин, Чжан Сяньдэ. 1977. 北京市平谷县发现商代墓葬 (Погребение шанского периода, обнаруженное в уезде Пингусянь в Пекине). Вэньу (11), 1—8 (на кит. яз.).
- Ян Баочэн. 1987. 安阳武官村北地商代祭祀坑的发掘 (Раскопки жертвенных ям в северной части дер. Угуаньцунь в Аньяне). Каогу (12), 1062—1070 (на кит. яз.).
- Ян Баочэн. 2002. 殷墟文化研究 (Исследование культуры Иньсюя). Ухань (на кит. яз.).
- Ян Баочэн, Ян Сичжан. 1979. 年殷墟西区墓葬发掘报告 (Отчет о раскопках на могильниках в западной части Иньсюя в 1969—1977 гг.). Каогу сюэбао (1), 27—157 (на кит. яз.).
- Ян Цзяньхуа. 2016. 欧亚草原东部的金属之路 (Пути распространения металлургии в восточной части Евразийской степи). Шанхай (на кит. яз.).
- Ян Цзяньхуа, Шао Хуэйцзо. 2014. 商文化对中国北方以及欧亚草原东部地区的影响 (Влияние шанской культуры на северные регионы Китая, а также на восточную часть Евразийской степи). Каогу юй вэньу (3), 45—57 (на кит. яз.).
- Amartuvshin Ch. 2016. Hourglass-shaped graves and prone burials. In: Chuluun S., Tceveendorj D. (eds.). *Archaeological Relics of Mongolia*. Vol. 3. Eregzen G. (vol. ed.). *Ancient funeral monuments of Mongolia*. Ulaanbaatar, 72—87.
- Bagley R. 1987. *Shang ritual bronzes in the Arthur M. Sackler collections*. Washington, D.C.: Arthur M. Sackler Foundation.
- Barfield T. 1989. *The perilous frontier: nomadic empires and China*. Oxford: Basil Blackwell.
- Campbell R. 2018. *Violence, kinship and the early Chinese state: The Shang and their world*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cao Dazhi. 2014. *The Loess highland in a trading network (1300—1050 BC)*. PhD dissertation. Princeton, NJ: Princeton University.
- Cao Wei. 2009. *Studies on Shang-date bronzes from northern Shaanxi*. In: Shaanxisheng Kaogu Yanjiusuo (ed.). *Shaanbei chutu qingtongqi* 陕北出土青铜器. Vol. 1. Chengdu: Bashu Shuju, 45—99.
- Di Cosmo N. 2002. *Ancient China and its enemies: the rise of nomadic power in East Asian history*. Reprint. Cambridge: Cambridge University Press.
- Erdenechuluun P. 2011. *The sword of heaven: culture of bronze artefacts of the bronze age and Hunnu empire*. Ulaanbaatar: Collections of Erdenechuluun Purevjav.
- Eregzen G. (ed.) 2016. *Archaeological relics of Mongolia III: ancient funeral monuments of Mongolia*. Ulaanbaatar: Science Press.
- Fiskesjö M. 2001. Rising from blood-stained fields: royal hunting and state formation in Shang dynasty China. *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities* 73, 48—191.
- Frachetti M. 2012. Multiregional emergence of mobile pastoralism and nonuniform institutional complexity across Eurasia. *Current Anthropology* 53 (1), 2—38.
- Honeychurch W. 2015. *Inner Asia and the spatial politics of empire: archaeology, mobility, and culture contact*. New York: Springer.
- Jones M., Hunt H., Lightfoot E., Lister D., Liu Xinyi, Motuzaite-Matuzeviciute G. 2011. Food globalization in prehistory. *World Archaeology* 43 (4), 665—675.
- Keightley D. 2000. *The ancestral landscape: time, space, and community in late Shang China (ca. 1200—1045 B.C.)*. Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California.
- Keightley D. 2013. *Working for his majesty: research notes on labor mobilization in late Shang China (ca. 1200—1045 B.C.)*. Berkeley, CA: Institute of East Asian Studies, University of California.
- Kuzmina E. 2008. *The Prehistory of the Silk Road*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Li Chi. 1977. *Anyang: a chronicle of the discovery, excavation, and reconstruction of the Shang dynasty*. Seattle: University of Washington Press.
- Lin Yun. 1986. A reexamination of the relationship between bronzes of the Shang culture and of the Northern Zone. In: Chang Kwang-chih (ed.). *Studies of Shang archaeology: selected papers from the International Conference on Shang Civilization*. New Haven; London: Yale University Press, 237—273.
- Linduff K. 1997. Here today and gone tomorrow: the emergence and demise of bronze producing culture outside the Central Plain. In: Tsang Cheng-hua (ed.). *Integrated studies of Chinese archaeology and historiography: symposium series of the Institute of History and Philology* 4. Taipei: Academia Sinica, 393—428.
- Linduff K. 2006. Why have Siberian artefacts been excavated inside the ancient Chinese dynastic borders. In: Popova L. M., Smith A. T., Peterson D. L. (eds.). *Beyond the steppe and the sown: proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology*. Leiden; Boston: Brill, 358—370.
- Linduff K. 2015. What's mine is yours: the transmission of metallurgical technology in Eastern Eurasia and East Asia. In: Srinivasan S., Ranganathan S., Guimilia-Maier A. (eds.). *Materials and civilizations: proceedings of the seventh International conference on the Beginnings of the Use of Metals and Alloys*. BUMA VII. Bangalore: National Institute of Advanced Studies, 8—14.
- Mei J., Rehren T. (eds.). 2009. *Metallurgy and civilisation: Eurasia and beyond: proceedings of the 6th International Conference on the Beginnings of the Use of Metals and Alloys*. BUMA VI. London: Archetype Publications.
- Miyamoto K., Obata H. (eds.). 2016. *Excavations at Daram and Tevsh sites: a report on joint Mongolian-Japanese excavations in outer Mongolia*. Fukuoka: Department of Archaeology, Faculty of Humanities, Kyushu University.
- Pollard et al. 2017: Pollard M., Bray P., Hommel P., Hsu Yiu-Kang, Liu Ruiliang, Rawson J. 2017. Bronze Age metal circulation in China. *Antiquity* 91 (357), 674—687.
- Rawson J. 1996. The Ritual Bronze Vessels of the Shang and the Zhou. In: Rawson J. (ed.). *Mysteries of Ancient China: New Discoveries From the Early Dynasties*. New York: George Braziller, 248—265.
- Rawson J. 1999. Western Zhou archaeology. In: Loewe M., Shaughnessy E. (eds.). *The Cambridge history of ancient China: from the origins of civilization to 221 B.C.* Cambridge: Cambridge University Press, 352—449.
- Rawson J. 2015. Steppe weapons in ancient China and the role of hand-to-hand combat. *Gugong xueshu jikan* (1), 37—95.
- Rawson J. 2017. China and the steppe: reception and resistance. *Antiquity* 91 (356), 375—388.
- Shelach-Lavi G. 1996. The Qiang and the question of human sacrifice in the late Shang period. *Asian Perspectives* 35 (1), 1—26.
- Shelach-Lavi G. 2009. *Prehistoric societies on the northern frontiers of China: archaeological perspectives on identity formation and economic change during the first millennium BCE*. Abingdon-on-Thames: Routledge.
- Wang Ming-Ke. 1992. *The Ch'iang of ancient China through the Han dynasty: ecological frontiers and ethnic boundaries*. PhD dissertation. Cambridge, MA: Harvard University.
- Wu Hsiao-yun. 2013. *Chariots in early China: origins, cultural interaction and identity*. Vol. 2457. Oxford: Archaeopress.

References

- Varenov, A.V. 1999. In Derevianko, A.P., Molodin, V.I. (ed.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* (Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories) V. Novosibirsk, 306—311 (in Russian).
- Volkov, V.V. 1972. In *Arkheologicheskie otkrytiia 1971 goda* (Archaeological Discoveries in 1971). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian), 554—556 (in Russian).
- Volkov, V.V. 2002. *Olennye kamni Mongolii* (Stone Stelae from Mongolia ("deer stones")). Moscow: "Nauchnyi Mir" Publ. (in Russian).
- Deopik, D.V., Ulyanov, M. Yu., Anikushina, E. S. 2016. In Tikhvinskii, L. S. (ed.-in-chief), Derevianko, A.P. (volume ed.). *Istoriia Kitaia s drevneishikh vremen do nachala XX veka* (History of China from the Earliest Times to Early 20th Century) 1. *Drevneishaia i drevnaia istoriia (po arkheologicheskim dannym). Ot paleolita do V v. do n.e.* (The Earliest and Ancient History (by Archaeological Data). From the Palaeolithic to the 5th Century AD). Moscow: "Nauka" Publ., 547—601 (in Russian).
- Kovalev, A.A., Erdenebaatar, D. 2007. In Tishkin, A.A. (ed.). *Kamennaia skulptura i melkaia plastika drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii* (Stone Sculpture and Small Plastic of Ancient and Medieval Peoples of Eurasia). Series: Proceedings of the Siberian Association of Prehistoric Art Researchers 3. Barnaul, 99—105 (in Russian).
- Kovalev, A.A., Erdenebaatar, D. 2010. In Tsybiktarov, A.D. (ed.). *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikalskoi Sibiri* (Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia). Ulan-Ude: State University of Buryatia, 104—117 (in Russian).
- Kuznetsova-Fetisova, M.E. 2015. «Velikii gorod Shan» (XIV—XI vv. do n.e.) ("The Great City of Shang": 14th—11th Centuries BC). Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Kuz'mina, E.E. 1994. *Otkuda prishli indoirani? Material'naiia kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev* (Where Did the Indo-Aryans Come from? The Material Culture of the Tribes of the Andronovo Community and the Origin of the Indo- Iranians). Moscow: "Kalina" Publ. (in Russian).
- Ma Jian. 2015. In Tsybiktarov, A.D. (ed.). *Drevnie kul'tury Severnogo Kitaia, Mongolii i Baikalskoi Sibiri* (Ancient Cultures of Northern China, Mongolia and Baikal Siberia) 1. Hohhot: Museum of Inner Mongolia, Institute for Archaeology of Inner Mongolia, Academy of Sciences of the People's Republic of China, 278—286 (in Russian).
- Novgorodova, E.A. 1989. *Drevnaia Mongoliia (Nekotorye problemy khronologii i etnokul'turnoi istorii)* (Ancient Mongolia: Some Problems of Chronology and the Ethnic-Cultural History). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- Savinov, D.G. 1994. *Olennye kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii* (Deer Stones in the Culture of Eurasian Nomads). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University (in Russian).
- Tsybiktarov, A.D. 1998. *Kul'tura plitochnykh mogil Mongolii i Zabaikal'ia* (Slab Grave Culture in Mongolia and Transbaikalia). Ulan-Ude: Buryatia State University (in Russian).
- Yablonsky, L.T. (ed.). 2011. *Estestvenno-nauchnye metody v izuchenii Filippovskogo I mogil'nika* (Natural Methods in Studying Philippovka I Burial Ground). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Rossii (Materials and Research of Russian Archaeology) 14. Moscow: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (in Russian).
- Beijingshi wenwu guanlichu. Beijing diqu de youyi zhongyao kaogu shouhuo: Changping baifu. Xi Zhou muguomu de xin qishi (The Important Archaeological Finding in the Peking Region: New Data on Burials with Wooden Sarcophagues of the Western Zhou Period in the Baifu Locality in Changping). *Kaogu* (4), 246—258 (in Chinese).
- Wang Feng. 1990. In *Wenwu* (11), 57—58 (in Chinese).
- Guo Baojun. 1951. In *Kaogu xuebao* (5), 1—61 (in Chinese).
- Dong Xinlin. 2000. In *Kaogu xuebao* (1), 1—30 (in Chinese).
- Li Gang. 2011. *Zhongguo beifang qingtongqi de Ouya caoyuan wenhua yinsu* (Elements from the Steppe Cultures of Eurasia in Bronze Vessels of Northern China). Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).
- Li Jinghan, Liang Baoling. 1983. In *Kaogu* (10), 877—893 (in Chinese).
- Lin Yun. 2015. In *Zhongguo beifang ji Menggu, Beijiaer, Xiboliya diqu gudai wenhua* (Ancient Cultures of Northern China, Mongolia, Baikal and Siberia): in 3 vols. Vol. 1. *Neimenggu bowuyuan. Neimenggu zizhiqiu wenwu kaogu yanjiusuo* (Museum of Inner Mongolia. Research Institute for Cultural Relics and Archaeology of the Inner Mongolia Autonomous Region). Beijing: Kexue chubanshe, 131—140 (in Chinese).
- Luo Kun. 1991. In Wang Yuxin (ed.). *Jiagu yu Yin-Shang shi* (Oracle Bone Scripts and the History of the Yin-Shang Period): in 3 vols. Vol. 3. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 405—426 (in Chinese).
- Liu Guanmin, Xu Guangji. 1975. In *Kaogu xuebao* (1), 117—140 (in Chinese).
- Liang Siyong, Gao Quxun. 1962. *Houjiazhuang: Henan Anyang Houjiazhuang Yindai mudi* (Houjiazhuang: the Burial Ground of the Yin Epoch in Houjiazhuang, Anyang City, Henan Province): in 2 vols. Vol. 1. *1001 hao da mu* (Large Burial M1001). Taipei: Zhongyang yanjiuyuan lishi yuyan yanjiusuo (in Chinese).
- Liang Siyong, Gao Quxun. 1962. *Houjiazhuang: Henan Anyang Houjiazhuang Yin dai mudi. Di 2 ben, 1001 hao da mudi* (Houjiazhuang Burial Ground of the Yin Epoch in Anyang, Henan Province. Vol. 2. Great Burial M1001): in 2 vols. Vol. 2. Taipei: Zhongyan yanjiuyuan lishi yuyan yanjiusuo (in Chinese).
- Ma Jian. 2015. In *Zhongguo beifang ji Menggu, Beijiaer, Xiboliya diqu gudai wenhua* (Ancient Cultures of Northern China, Mongolia, Baikal and Siberia): in 3 vols. Vol. 1. *Neimenggu bowuyuan. Neimenggu zizhiqiu wenwu kaogu yanjiusuo* (Museum of Inner Mongolia. Research Institute for Cultural Relics and Archaeology of the Inner Mongolia Autonomous Region). Beijing: Kexue chubanshe, 278—286 (in Chinese).
- Meng Xianwu. 1992. In *Zhongyuan wenwu* (3), 52—55 (in Chinese).
- Neimenggu zizhiqiu wenwu kaogu yanjiusuo (Research Institute for Cultural Relics and Archaeology of the Inner Mongolia Autonomous Region), Eerduosi bowuguan (Museum of Ordos). 2000. *Zhukaigou: qingtong shidai zaoqi yizhi fajue baogao* (Zhukaigou: Report on Excavations of the Early Bronze Age Site). Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).
- Neimenggu zizhiqiu wenwu kaogu yanjiusuo, Ningchengxian Liao Zhongjing bowuguan (Research Institute for Cultural Relics and Archaeology of the Inner Mongolia Autonomous Region, Museum of the Middle Capital of the Liao Dynasty in Ningcheng). 2009. *Xiaoheishigou: Xiajiadian shangceng wenhua yizhi fajue baogao* (Xiaoheishigou: Report on Excavations on the Site of the Xiajiadian Upper Layer Culture). Beijing: Kexue chubanshe (in Chinese).
- Tong Enzheng. 1987. In *Gudai wenming* (Ancient Civilization). Wenwu chubanshe bianjibu (Newsroom of the Cultural Relics Publishing House). Beijing: Wenwu chubanshe, 17—43 (in Chinese).
- Wuen Yuesitu. 2007. *Beifang caoyuan kaoguxue wenhua yanjiu: qingtong shidai zhi zaoqi tieqi shidai* (Studies on Archaeological Cultures of the Northern Steppe: from the Bronze Age to the Early Iron Age). Beijing: Kexue chubanshe (in Chinese).
- Wuen Yuesitu. 2008. *Beifang caoyuan kaoguxue wenhua bijiao yanjiu: qingtong shidai zhi zaoqi xiongnu shiqi* (Comparative Studies on Archaeological Cultures of the Northern Steppe: from the Bronze Age to the Early Xiongnu Period). Beijing: Kexue chubanshe (in Chinese).
- Han Jinqiu. 2015. *Xia — Shang — Xi Zhou Zhongyuan de beifangqi qingtongqi yanjiu* (Study on Bronze Items of the Northern Type in the Great Chinese Plain in the Xia, Shang, and Western Zhou Periods). Shanghai: Shanghai guji chubanshe (in Chinese).
- He Xianwu, Zheng Chen, Zhao Changlin, Cao Guilin. 1989. In *Kaogu* (12), 1076—1086 (in Chinese).
- Hebeisheng wenwu yanjiusuo (Research Institute of Cultural Relics of the Hebei Province). 1985. *Gaocheng Taixi Shangdai yizhi* (Taixi, the Site of the Shang Period in Gaocheng). Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).
- Hu Jiajia. 2016. *Shilun Shang wenhua fushenzang* (Preliminary Study of the Funeral Rite with a Position on the Abdomen in the Shang Period). Master Thesis. Beijing: Central University of Nationalities (in Chinese).
- Huang Zhanyue. 2004. *Gudai rensheng renxun tonglun* (A Survey of Human Co-Burials in Antiquity). Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).
- Cai Meifen, Zhu Naicheng, Chen Guangzu (eds.). 2012. *Shang wang Wu Ding yu Fu Hao: Yin-Shang shengshi wenhua yishu tezhan* (Wu Ding and Fu Hao, the Kings of Shang: Special Exhibition of Shang-Yin Art of Heyday). Taipei: Goli gugun bouiuan (in Chinese).
- Ji Liemin, Zhang Junsheng. 1993. In *Kaogu* (4), 311—323 (in Chinese).
- Qinghaisheng wenwu kaogu yanjiusuo, Beijing daxue kaogu wenbo

№2. 2020

- xueyuan (Research Institute for Cultural Relics and Archaeology of the Qinghai Province, School of Archaeology and Museology of the Beijing University). 2016. *Guinan Gamatai (Archaeological Site of Gamatai in the Guinan County)*. Beijing: Kexue chubanshe (in Chinese).
- Zhang Mingdong. 2011. In *Zhongguo guojia bowuguan guankan* (3), 116—122 (in Chinese).
- Zhu Fenghan. 2009. *Zhongguo qingtongqi zonglun (Survey of Chinese Bronze Vessels)*: in 3 vols. Vol. 2. Shanghai: Shanghai guji chubanshe (in Chinese).
- Zhu Fenghan. 2013. In *Kaogu xuebao* (1), 1—28 (in Chinese).
- Zhongguo kexueyuan kaogu yanjiusuo Anyang gongzuodui (Institute of Archaeology, Academy of Sciences of the People's Republic of China, Anyang work team). 1977. In *Kaogu* (1), 20—36 (in Chinese).
- Zhongguo shehui kexueyuan kaogu yanjiusuo (Institute of Archaeology, Academy of Social Sciences of the People's Republic of China). 1980. *Yinxu Fu Hao mu (Tomb of Fu Hao in Yinxu)*. Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).
- Zhongguo shehui kexueyuan kaogu yanjiusuo (Institute of Archaeology, Academy of Social Sciences of the People's Republic of China). 2003. *Zhongguo kaoguxue: Xia-Shang juan (Archaeology of China: Xia and Shang Volume)*. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe (in Chinese).
- Zhongguo shehui kexueyuan kaogu yanjiusuo (Institute of Archaeology, Academy of Social Sciences of the People's Republic of China). 2005. *Tengzhou Qianzhangda mudi (Qianzhangda Burial Ground in Tengzhou)*: in 2 vols. Vol. 1. Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).
- Zhongguo shehui kexueyuan kaogu yanjiusuo (Institute of Archaeology, Academy of Social Sciences of the People's Republic of China). 2007. *Anyang Yinxu Huayuanzhuang dongdi Shangdai muzang (Grave of the Shang Period in Eastern Part of the Huayuanzhuang Village, Yinxu Site, Anyang)*. Beijing: Kexue chubanshe (in Chinese).
- Zhongguo shehui kexueyuan kaogu yanjiusuo (Institute of Archaeology, Academy of Social Sciences of the People's Republic of China). 2007. *Nanbinzhou Nianzipo (The Nanbinzhou-Nianzipo Site)*. Beijing: Shijie tushu chubanshe gongsu (in Chinese).
- Zhongguo shehui kexueyuan kaogu yanjiusuo (Institute of Archaeology, Academy of Social Sciences of the People's Republic of China). 2014. *Anyang Dasikong: 2004 nian fajue baogao (Dasikong Site in Anyang: Report on Excavations in 2004)*: in 2 vols. Vol. 1. Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).
- Zheng Shaozong. 1962. In *Kaogu* (12), 644—645 (in Chinese).
- Zheng Zhenxiang. 1981. In *Kaogu xuebao* (4), 491—518 (in Chinese).
- Zheng Zhenxiang. 2001. In *Kaogu* (5), 18—26 (in Chinese).
- Chen Honghai. 2003. *Ganqing diqu shiqian muzang zhong de zangshi fenxi (Analysis of Funerary Rite in Prehistoric Burials of the Gansu-Qinghai Region)*. Series: Gudai wenming (Ancient Civilization) 2. Beijing: Wenwu chubanshe, 138—153 (in Chinese).
- Chen Zhida. 1987. *Anyang Xiaotun Yindai gongdian zongmo yizhi tantao (On the Question of Temple Complexes of the Yin Period in the Xiaotun Village, Anyang)*. Series: Wenwu ziliao congkan 10. Beijing: Wenwu chubanshe, 68—79 (in Chinese).
- Shi Zhangru. 1970. *Xiaotun diyi ben: Yizhi de faxian yu fajue. Bingbian: Yinxu muzang zhi yi (beizu muzang) (Xiaotun. Vol. 1: Discovery and Excavations of the Site. Issue 3: First Part of Burials in Yinxu (Northern Group))*. In 2 vols. Vol. 1. Taipei: Institute of History and Philology, Academia Sinica (in Chinese).
- Shi Zhangru. 1970. *Xiaotun diyi ben: Yizhi de faxian yu fajue. Bingbian: Yinxu muzang zhi yi (beizu muzang) (Xiaotun. Vol. 1: Discovery and Excavations of the Site. Issue 3: First Part of Burials in Yinxu (Northern Group))*. In 2 vols. Vol. 2. Taipei: Institute of History and Philology, Academia Sinica (in Chinese).
- Shi Zhangru. 1972. *Xiaotun diyi ben: Yizhi de faxian yu fajue. Bingbian: Yinxu muzang zhi er (zhongzu muzang) (Xiaotun', t. 1: obnaruzhenie i raskopki pamiatnika. Sb. 3: Vtoraia chast' pogrebenii v In'siue [tsentral'naia gruppa] Xiaotun. Vol. 1: Discovery and Excavations of the Site. Issue 3: Second Part of Burials in Yinxu (Central Group))*. Taipei: Institute of History and Philology, Academia Sinica (in Chinese).
- Shi Zhangru. 1973. *Xiaotun diyi ben: Yizhi de faxian yu fajue. Bingbian: Yinxu muzang zhi san (nanzu muzang, fu beizu muzang buyi) (Xiaotun. Vol. 1: Discovery and Excavations of the Site. Issue 3: Third Part of Burials in Yinxu (Southern Group, with Additional Materials on the Northern Group))*. Taipei: Institute of History and Philology, Academia Sinica (in Chinese).
- Shanxisheng kaogu yanjiuyuan (Research Institute for Archaeology of the Shaanxi Province). 2013. *Lijiaya (Lijiaya Site)*. Beijing: Wenwu chubanshe (in Chinese).
- Yuan Jinjing, Zhang Xiande. 1977. In *Wenwu* (11), 1—8 (in Chinese).
- Yang Baocheng. 1987. In *Kaogu* (12), 1062—1070 (in Chinese).
- Yang Baocheng. 2002. *Yinxu wenhua yanjiu (Study of the Yinxu Culture)*. Wuhan: Wuhan daxue chubanshe (in Chinese).
- Yang Baocheng, Yang Xizhang. 1979. In *Kaogu xuebao* (1), 27—157 (in Chinese).
- Yang Jianhua. 2016. *Ouya caoyuan dongbu de jinshu zhi lu (The Ways of Distribution of Metallurgy in the Eastern Part of the Eurasian Steppe)*. Shanghai: Shanghai gutschu chubanshe (in Chinese).
- Yang Jianhua, Shao Huiqiu. 2014. In *Kaogu yu wenwu* (3), 45—57 (in Chinese).
- Amartuvshin, Ch. 2016. Hourglass-shaped graves and prone burials. In: Chuluun, S., Tceveendorj, D. (eds.). *Archaeological Relics of Mongolia — catalogues in 6 volumes*. Vol. 3. Eregzen G. (vol. ed.). *Ancient funeral monuments of Mongolia*. Ulaanbaatar. 72—87.
- Bagley, R. 1987. *Shang ritual bronzes in the Arthur M. Sackler collections*. Washington, D.C.: Arthur M. Sackler Foundation.
- Barfield, T. 1989. *The perilous frontier: nomadic empires and China*. Oxford: Basil Blackwell.
- Campbell, R. 2018. *Violence, kinship and the early Chinese state: The Shang and their world*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cao Dazhi. 2014. *The Loess highland in a trading network (1300—1050 BC)*. PhD dissertation. Princeton, NJ: Princeton University.
- Cao Wei. 2009. Studies on Shang-date bronzes from northern Shaanxi. In *Shaanxisheng Kaogu Yanjiusuo* (ed.). *Shaanbei chutu qingtongqi*. 5 vols. Vol. 1: 45—99. Chengdu: Bashu Shuju.
- Di Cosmo, N. 2002. *Ancient China and its enemies: the rise of nomadic power in East Asian history*. Vol. Reprint. Cambridge: Cambridge University Press.
- Erdenechuluun, P. 2011. *The sword of heaven: culture of bronze artefacts of the bronze age and Hunnu empire*. Ulaanbaatar: Collections of Erdenechuluun Purevjav.
- Eregzen, G. (ed.) 2016. *Archaeological relics of Mongolia*, Vol. III: ancient funeral monuments of Mongolia. Ulaanbaatar: Science Press.
- Fiskesjö, M. 2001. Rising from blood-stained fields: royal hunting and state formation in Shang dynasty China. *Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities* 73: 48—191.
- Frachetti, M. 2012. Multiregional emergence of mobile pastoralism and nonuniform institutional complexity across Eurasia. *Current Anthropology* 53 (1): 2—38.
- Honeychurch, W. 2015. *Inner Asia and the spatial politics of empire: archaeology, mobility, and culture contact*. New York: Springer.
- Jones, M., Hunt, H., Lightfoot, E., Lister, D., Liu Xinyi, Motuzaitė-Matuzeviciute, G. 2011. Food globalization in prehistory. *World Archaeology* 43 (4), 665—675.
- Keightley, D. 2000. *The ancestral landscape: time, space, and community in late Shang China (ca. 1200—1045 B.C.)*. Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California.
- Keightley, D. 2013. *Working for his majesty: research notes on labor mobilization in late Shang China (ca. 1200—1045 B.C.)*. Berkeley, CA: Institute of East Asian Studies, University of California.
- Kuzmina, E. 2008. *The Prehistory of the Silk Road*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press.
- Li Chi. 1977. *Anyang: a chronicle of the discovery, excavation, and reconstruction of the Shang dynasty*. Seattle: University of Washington Press.
- Lin Yun. 1986. A reexamination of the relationship between bronzes of the Shang culture and of the Northern Zone. In Chang Kwang-chih (ed.). *Studies of Shang archaeology: selected papers from the International Conference on Shang Civilization*. New Haven; London: Yale University Press, 237—273.
- Linduff, K. 1997. Here today and gone tomorrow: the emergence and demise of bronze producing culture outside the Central Plain. In Tsang Cheng-hua (ed.). *Integrated studies of Chinese archaeology and historiography: symposium series of the Institute of History and Philology* No. 4. Taipei: Academia Sinica, 393—428.
- Linduff, K. 2006. Why have Siberian artefacts been excavated inside the ancient Chinese dynastic borders. In Popova, L.M., Smith, A.T. Peterson, D.L. (eds.). *Beyond the steppe and the sown: proceedings of the 2002 University of Chicago Conference on Eurasian Archaeology*. Leiden; Boston: Brill, 358—370.

- Linduff, K. 2015. What's mine is yours: the transmission of metallurgical technology in Eastern Eurasia and East Asia. In Srinivasan, S., Ranganathan, S., Guimilia-Maier, A. (eds.). *Materials and civilizations: proceedings of the seventh International conference on the Beginnings of the Use of Metals and Alloys*. BUMA VII. Bangalore: National Institute of Advanced Studies. 8—14.
- Mei, J., Rehren, T. (eds.). 2009. *Metallurgy and civilisation: Eurasia and beyond: proceedings of the 6th International Conference on the Beginnings of the Use of Metals and Alloys*. BUMA VI. London: Archetype Publications.
- Miyamoto, K., Obata, H. (eds.) 2016. *Excavations at Daram and Tevsh sites: a report on joint Mongolian-Japanese excavations in outer Mongolia*. Fukuoka: Department of Archaeology, Faculty of Humanities, Kyushu University.
- Pollard, M., Bray, P., Hommel, P., Hsu Yiu-Kang, Liu Ruiliang, Rawson, J. 2017. Bronze Age metal circulation in China. *Antiquity* 91 (357), 674—687.
- Rawson, J. 1996. The Ritual Bronze Vessels of the Shang and the Zhou. In: Rawson, J. (ed.). *Mysteries of Ancient China: New Discoveries From the Early Dynasties*. New York: George Braziller, 248—265.
- Rawson, J. 1999. Western Zhou archaeology. In Loewe, M., Shaughnessy, E. (eds.). *The Cambridge history of ancient China: from the origins of civilization to 221 B.C.* Cambridge: Cambridge University Press. 352—449.
- Rawson, J. 2015. Steppe weapons in ancient China and the role of hand-to-hand combat. *Gugong xueshu jikan* 33 (1): 37—95.
- Rawson, J. 2017. China and the steppe: reception and resistance. *Antiquity* 91 (356), 375—388.
- Shelach-Lavi, G. 1996. The Qiang and the question of human sacrifice in the late Shang period. *Asian Perspectives* 35 (1), 1—26.
- Shelach-Lavi, G. 2009. *Prehistoric societies on the northern frontiers of China: archaeological perspectives on identity formation and economic change during the first millennium BCE*. Abingdon-on-Thames: Routledge.
- Wang Ming-Ke. 1992. *The Ch'iang of ancient China through the Han dynasty: ecological frontiers and ethnic boundaries*. PhD dissertation. Cambridge, MA: Harvard University.
- Wu Hsiao-yun. 2013. *Chariots in early China: origins, cultural interaction and identity*. Vol. 2457. Oxford: Archaeopress.

Статья поступила в номер 29 апреля 2019 г.

Konstantin Chugunov (Saint Petersburg, Russian Federation). State Hermitage Museum¹.

Konstantin Chugunov (Sankt Petersburg, Rusia). Ermitajul de Stat.

Чугунов Константин Владимирович (Санкт-Петербург, Россия). Государственный Эрмитаж.

E-mail: chugunovk@mail.ru

Jessica Rawson (Oxford, Great Britain). DLitt, Professor. School of Archaeology, University of Oxford².

Jessica Rawson (Oxford, Marea Britanie). DLitt, profesor universitar. Universitatea de Oxford, școala de arheologie.

Роусон Джессика (Оксфорд, Великобритания). DLitt, профессор. Школа археологии Оксфордского университета.

E-mail: jessica.rawson@merton.ox.ac.uk

Yegor Grebnev (Shenzhen, China). DPhil. Society of Fellows in the Liberal Arts, Southern University of Science and Technology³.

Yegor Grebnev (Shenzhen, China). DPhil. Asociația Bursierilor în Domeniul Științelor Umanistice, Universitatea Tehnologică-Științifică de Sud.

Гребнев Георгий Андреевич (Шэньчжэнь, Китай). DPhil. Общество стипендиатов по гуманитарным наукам, Южный научно-технологический университет.

E-mail: yegor@phoenixterrace.com

Addresses: ¹ Dvortsovaya Emb., 34, Saint Petersburg, 191181, Russian Federation; ² Merton College, Merton Street, OX1 4JD, Oxford, UK; ³ 1088 Xueyuan Bd., Nanshan District, Shenzhen, Guangdong, P.R. China

Список сокращений

АА	— Индекс радиоуглеродной лаборатории Университета г. Аризона (США).
АВ	— Археологические вести. Санкт-Петербург.
АВЕС	— Археология Восточно-Европейской степи. Саратов.
автореф.	— автореферат.
АВУ	— Археологічні відкриття в Україні. Київ.
АДІУ	— Археологія і давня історія України. Київ.
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні. Київ.
АИМ	— Археологические исследования в Молдавии. Кишинёв.
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
АлтГУ	— Алтайский государственный университет. Барнаул.
АН	— Академия наук.
АН АзССР	— Академия наук Азербайджанской ССР. Баку.
АН СССР	— Академия наук СССР. Москва.
АН УРСР	— Академія наук Української РСР. Київ.
АО	— Археологические открытия. Москва.
АЭАЕ	— Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БашГУ	— Башкирский государственный университет. Уфа.
БМСК	— бережновско-мосоловская срубная культура.
БРЭ	— Большая Российская энциклопедия.
ВААЭ	— Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень.
ВАУ	— Вопросы археологии Урала. Свердловск / Екатеринбург.
ВГПИ	— Воронежский государственный педагогический институт. Воронеж.
ВГУ	— Воронежский государственный университет. Воронеж.
ВДБК	— волго-донская бабинская культура.
ВИНИТИ РАН	— Всероссийский институт научной и технической информации Российской академии наук. Москва.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет. Волгоград.
ВолГУ	— Волгоградский государственный университет.
ГБУ «ВОНПЦ»	— Государственное бюджетное учреждение «Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры». Волгоград.
ГИМ	— Государственный Исторический музей. Москва.
ГМО	— горно-металлургическая область.
ГМЦ	— горно-металлургический центр.
ГПУ	— государственный педагогический университет.
ГРВЛ	— Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва.
ГЭ	— Государственный Эрмитаж. Ленинград / Санкт-Петербург.
ДВАК	— доно-волжская абашевская культура.
ДБК	— днепро-донская бабинская культура.
ДНУ	— Днепропетровский национальный университет. Днепропетровск — Днипро.
ДНЦ	— Дагестанский научный центр Российской академии наук. Махачкала.
ДонГУ	— Донецкий государственный университет. Донецк.
ДонДТУ	— Донбасский державний технічний університет.
ДонНУ	— Донецкий национальный университет. Донецк; Винница.
ДПБК	— днепро-прутская бабинская культура.
ДСПиК, ДСПК	— Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье.
ЕАМП	— Евразийская металлургическая провинция.
ЗАМП	— Западноазиатская металлургическая провинция.
ЗапСибНЦ	— Западно-Сибирский научный центр. Кемерово.
ЗИИМК	— Записки Института истории материальной культуры. Санкт-Петербург.
ЗКМ	— Зимовниковский краеведческий музей. Зимовники.
ЗНТШ	— Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
ИА	— Институт археологии.
ИА АН СССР	— Институт археологии Академии наук СССР. Москва.
ИА АН УССР	— Институт археологии Академии наук Украинской ССР. Киев.
ИА НАНУ	— Институт археологии Национальной академии наук Украины. Киев.
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук. Москва.
ИАЭТ	— Институт археологии и этнографии.
ИАЭТ СО РАН	— Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск.

ИИА	— Институт истории и археологии.
ИИАП Самара	— Институт истории и археологии Поволжья. Самара.
ИИиА УрО РАН	— Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.
ИИМК РАН	— Институт истории материальной культуры Российской академии наук. Санкт-Петербург.
ИИФФ	— Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР. Новосибирск.
ИИЯЛ УФИЦ РАН	— Институт истории, языка и литературы Уфимского исследовательского центра РАН.
ИКК	— ингальская катакомбная культура.
ИПОС СО РАН	— Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Тюмень.
ИЭА РАН	— Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук. Москва.
ІА НАНУ	— Інститут археології Національної академії наук України. Київ.
КГПИ	— Куйбышевский государственный педагогический институт. Куйбышев.
КГПУ	— Казахский государственный педагогический университет им. Абая. Алматы.
ҚДУ	— Кам'яна доба України. Київ.
КемГУ	— Кемеровский государственный университет. Кемерово.
КИО	— культурно-историческая общность или область.
КМК	— культура многоваликовой керамики.
КМТ	— керамика малополовецкого типа.
КН МОН РК	— Комитет по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан. Нур-Султан.
КНУ ім. Т. Шевченка	— Київський національний університет ім. Т. Шевченка. Київ.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР / Российской академии наук. Москва.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии, Москва.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Ленинград / Санкт-Петербург.
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры.
КубГУ	— Кубанский государственный университет. Краснодар.
КурГУ	— Курганский государственный университет.
КЧГУ	— Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева. Карачаевск.
ЛГПИ	— Липецкий государственный педагогический институт. Липецк.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет. Ленинград.
МАИАСК	— Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма. Симферополь; Тюмень; Севастополь.
МАИКЦА	— Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
МарНИИЯЛИ	— Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Йошкар-Ола.
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МАЭ РАН	— Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого «Кунсткамера» Российской академии наук. Санкт-Петербург.
МГОУ	— Московский государственный областной университет. Москва.
МГП	— малое государственное предприятие.
МГУ	— Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва.
МДАПВ	— Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів.
МДАСУ	— Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ.
МДУ	— Маріупольський державний університет. Маріуполь.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
МИИKNCK	— Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Ставрополь.
МНО	— майкопско-новосвободненская общность.
МНУ	— Миколаївський державний університет ім. В.О.Сухомлинського. Миколаїв.
МОН РК, НАН РК	— Министерство образования и науки Республики Казахстан, Национальная академия наук Республики Казахстан. Нур-Султан.
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции.
НА ІА НАНУ	— Научный архив Института археологии НАН Украины. Киев.
НА ІА НАНУ, Ф. э.	— Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины, фонд экспедиций.
НА ІА НАНУ	— Науковий архів Інституту археології Національної Академії наук України. Київ.
НАПП	— Национальный археологический природный парк.
НаУКМА	— Национальный университет «Киево-Могилянская академия». Киев.
НГУ	— Новосибирский государственный университет. Новосибирск.
НМ РБ Уфа	— Национальный музей Республики Башкортостан. Уфа.
НПЦСИKN	— Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия.
ОАК	— Отчет Императорской археологической комиссии. Санкт-Петербург.
ОАМ	— Одесский археологический музей. Одесса.
ОГАМ	— Одесский Государственный археологический музей. Одесса.
ОГПИ	— Оренбургский государственный педагогический институт. Оренбург.
ОГПУ	— Оренбургский государственный педагогический университет. Оренбург.
ОКВК	— общность культур валиковой керамики.

№2. 2020

ОмГУ	— Омский государственный университет. Омск.
ОНУ	— Одесский национальный университет. Одесса.
ПАЭАССТ	— Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск.
ПБВ	— поздний бронзовый век.
ПЖК	— производственно-жилищный комплекс.
ПМСК	— покровско-мосоловская срубная культура.
ПНИАЛ	— Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория.
ПСК	— покровская срубная культура.
РА	— Российская археология. Москва.
РАЕ	— Российский археологический ежегодник. Санкт-Петербург.
РАН	— Российская академия наук. Москва.
РФФИ	— Российский фонд фундаментальных исследований. Москва.
СА	— Советская археология. Москва.
САИ	— Свод археологических источников. Москва; Ленинград.
САИПИ	— Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства. Кемерово.
СамГПУ / СГПУ	— Самарский государственный педагогический университет. Самара.
САО	— Северный берег Андреевского Озера (поселение).
СБВ	— средний бронзовый век.
СГСПУ	— Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара.
СКК	— северокавказская культура.
СКК	— срубный культурный круг.
СНВ	— Сибирский научный вестник. Новосибирск.
СНК	— культурный круг Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень.
СНУ	— Східноукраїнський національний університет ім. В. Даля. Луганськ.
СНЦ РАН	— Самарский научный центр Российской академии наук. Самара.
СО РАН	— Сибирское отделение Российской академии наук. Новосибирск.
СОГУ	— Северо-Осетинский государственный университет. Орджоникидзе / Владикавказ.
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург.
ССПК	— Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Запоріжжя.
ТАС	— Тверской археологический сборник. Тверь.
ТКК	— тшинецкий культурный круг.
ТомГУ	— Томский государственный университет. Томск.
ТТС	— теплотехнические сооружения.
ТюмГНГУ	— Тюменский государственный нефтегазовый университет. Тюмень.
ТюмГУ	— Тюменский государственный университет. Тюмень.
УАЭ	— Уральская археологическая экспедиция.
УдГУ	— Удмурдский государственный университет. Ижевск.
УИВ	— Уральский исторический вестник. Екатеринбург.
УрГУ	— Уральский государственный университет им. А. М. Горького. Свердловск / Екатеринбург.
УрО АН СССР	— Уральское отделение Академии наук СССР. Свердловск.
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук. Екатеринбург.
УрФУ	— Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург.
ЦМП	— Циркумпонтийская металлургическая провинция.
ЧелГКМ	— Челябинский городской краеведческий музей. Челябинск.
ЧелГУ	— Челябинский государственный университет. Челябинск.
ЭО	— Этнографическое обозрение. Москва.
ЮАО	— Южный берег Андреевского Озера (поселение).
ЮжУО	— Южно-Уральское отделение.
ЮНЦ РАН	— Южный научный центр Российской академии наук. Ростов-на-Дону.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция.
ЮУрГУ	— Южно-Уральский государственный университет. Челябинск.
ЮФУ	— Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону.
AM	— <i>Arheologia Moldovei</i> . Iași.
ASM	— <i>Archaeologica Slovaca monographiae</i> . Nitra.
AÚ SAV	— <i>Archeologický ústav Slovenskej akadémie vied</i> . Nitra.
BAR	— <i>British Archaeological Reports</i> . Oxford.
BAR IS	— <i>British Archaeological Reports, International Series</i> . Oxford.
BC	— Before Christmas (дата до Рождества Христова или до нашей эры).
BP	— Before Present (дата до настоящего времени (1950 год) или лет назад).
BPS	— <i>Baltic-Pontic Studies</i> . Poznań.
CCDJ	— <i>Cultură și civilizație la Dunărea de Jos</i> .
CIANASS	— <i>Communicationes instituti archaeologici Nitriensis academiae scientiarum Slovacae</i> . Nitra.
CKAE	— <i>Central Kazakhstan Archaeological Expedition</i> .
CWC	— <i>Corded Ware Culture</i> .
EA	— <i>Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens</i> . Mainz.
FBC	— <i>Funnel Beaker Culture</i> .
FIG	— <i>Fraternal Interest Group</i> .
Gin	— Индекс радиоуглеродной лаборатории геохимии изотопов и геохронологии г. Москва (Россия).
Hela	— Индекс радиоуглеродной лаборатории хронологии Финского музея естественной истории

	г. Хельсинки (Финляндия).
IAiE PAN	— Instytut Archeologii i Etnologii Polskiej Akademii Nauk. Warszawa.
IFEA Istanbul	— Institut Français d'Études Anatoliennes. Istanbul.
Ki	— Индекс радиоуглеродной лаборатории института геохимии окружающей среды НАН г. Киев (Украина).
Le	— Индекс радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН г. Санкт-Петербург (Россия).
MS	— Materiały Starożytne. Warszawa.
OIP	— Oriental Institute publications. Chicago.
PAS	— Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. München.
PAU	— Polska Akademia Umiejętności. Kraków.
PBf	— Prähistorische Bronzefunde. München.
Poz	— Индекс радиоуглеродной лаборатории Университета им. Адама Мицкевича г. Познань (Польша).
RA	— Revista Arheologică. Chişinău.
SCIV	— Studii şi cercetări de istorie veche. Bucureşti.
SCIVA	— Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie. Bucureşti.
SMEA	— Studi Micenei ed Egeo-Anatolicino Roma.
SNAP	— Stowarzyszenie Naukowe Archeologów Polskich. Poznań.
Spb	— Индекс радиоуглеродной лаборатории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена г. Санкт-Петербург (Россия).
Ua	— Индекс радиоуглеродной лаборатории Университета г. Уппсала (Швеция).
UPA	— Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Kiel.